

ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ И ИВАН ГРОЗНЫЙ

Г. Красинский

В имеющихся исторических источниках нет достаточных сведений о начальной стадии покорения Сибири. Нет подлинных записей того времени, которые устанавливали бы с желательной полнотой последовательный ход событий и характер взаимоотношений между Строгановыми и Ермаком. Летописные известия, которыми мы располагаем, более позднего происхождения, а их показания расходятся.

Эти обстоятельства привели к тому, что историки заняли различные позиции в данном вопросе. Многие историки, в том числе Карамзин и Соловьёв, считают, что покорение Сибири совершилось только благодаря усилиям и государственной мудрости Строгановых, умело использовавших казачью дружину Ермака. По мнению других (Миллер, Щербатов), Сибирь покорена благодаря прозорливости и отваге Ермака Тимофеевича и его сподвижников, использовавших лишь материальные ресурсы Строгановых.

Третья группа историков — Небольсин, Погодин, Арианов — утверждает, что покорение Сибири — дело только казачьей дружины, без всякого участия в нём Строгановых.

Взгляды Соловьёва и Карамзина разделяются большинством историков, и их можно считать господствующими в русской историографии.

Эта преобладающая концепция господствует и в нашей современной историографии. Основным её выразителем является С. В. Бахрушин¹. Он к тому же считает, что в начальный период покорения Сибири интересы Строгановых не совпадали с интересами государства².

Несмотря на различия взглядов, все историки трактуют дело покорения Сибири только в одной плоскости: Строгановы — Ермак. Деятельность Строгановых на Урале и в сибирских начинаниях рассматривается как результат только предпринимательских замыслов самих Строгановых. Московской центральной власти отводится в этих делах роль формально-активирующей инстанции, которая в решающий момент пыталась даже приостановить сибирский поход Ермака, о чём-де свидетельствует «опальная» грамота³. Правда, в Строгановской летописи⁴, а затем у Карамзина⁵, использовавшего эту летопись в качестве основного источника, имеется ссылка на замысел Ивана Грозного («вложи Бог

царю во ум»). Но рассказ о кучумовых работах Грозного ошибочно предпослан там событиям до-кучумовым (первая жалованная грамота от 1558 г.), а в последующем изложении внимание привлекается к отрицательному отношению Грозного к походу Ермака. У Миллера высказана мысль, что взамен предоставленных Строгановым колониальных привилегий «им повелено ясашных вогуличей от нападков татар защищать да и о самом Татарском владении (т. е. Сибирском ханстве. — Г. К.) на Иртыше стараться, чтобы оное привезть под Российскую державу»⁶. Но эта мысль высказана мимоходом и не нашла отражения в общем освещении событий.

Значительное место уделял обзору отношений Москвы с Сибирским ханством в своём большом исследовании Небольсин⁷. Но основное внимание он уделяет аналитическому сопоставлению текстов летописей, а не событий.

Ни один историк не высказал сомнений по поводу того, насколько концепция о «самостийной» деятельности Строгановых, приведшей в конечном итоге к покорению Сибири, согласуется с характером общественных отношений в Московском государстве при Иване Грозном. Сомнение это побудило провести небольшое исследование, в котором мы пытаемся, по возможности, проследить действительный ход рассматриваемых событий.

I

Колонизационное движение русских в северные и северо-восточные районы Европейской России определялось со времён Великого Новгорода наличием промышленных ресурсов и земельных угодий и направлением естественных транспортных путей. С падением Новгорода всё его колониальное «наследство» перешло к Москве. Масштабы колонизации соответственно возросли. После завоевания Казани (1552 г.) в сферу колониальных стремлений предприимчивых московских людей включился также обширнейший Камский бассейн.

Вопрос об освоении значительной части Прикамского края поставлен был семьёй Строгановых, Аникой Фёдоровичем Строгановым с сыновьями, обладавшими уже к тому времени прочной материальной базой — солеварными предприятиями в Сольвычегодске — и хозяйственно-техническим опытом. Их внимание привлекали тянувшиеся на большие расстояния и неиспользуемые «леса чёрные, речки и озёра дикие, острова и наволоки пустые». Первоначальные объекты эксплуатации —

¹ Бахрушин С. «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв.», стр. 148. М. 1928.

² Там же, стр. 151.

³ Дополнения к Актам историческим. Т. 1, № 128.

⁴ Сибирские летописи, стр. 1. ПТБ. 1907.

⁵ Карамзин Н. «История государства Российского». Т. X, стр. 375. Изд. Эйнерлинга. ПТБ. 1843.

⁶ Миллер Г. «Описание Сибирского царства», стр. 90. ПТБ. 1750.

⁷ Небольсин П. «Покорение Сибири». М. 1849.

«соль варити, пашни пахати, зверя и рыбу ловити».

Челобитье Строгановых было удовлетворено. При внимательном рассмотрении первой жалованной грамоты Строгановым от 4 апреля 1558 г.⁸ выступает исключительный характер её. Дело не только в предоставляемом ею полном налоговом иммунитете — такие льготы, в разных вариациях, практиковались в Московской Руси и раньше. Дело и не в особой юрисдикции — такие судебные изъятия допускались и раньше. И даже не в специально военных полномочиях, которые предоставлялись Строгановым «для бережения от Нагайских людей и от иных орд», — хотя это бережение и представляло собой совершенно особую задачу, возлагаемую на отдельных промышленников-купцов, но вызываемую не только частнохозяйственными интересами. Дело в комплексе государственно-хозяйственных мероприятий, основной упор которых направлен явно на прочную и успешную колонизацию, т. е. на выполнение государственных задач, хотя бы при этом в тех же целях и предусматривались высокие доходы, обеспечивающие заинтересованность в данном деле частных предпринимателей.

Содержание строгановского челобитья приводится полностью в царской грамоте. Такова была обязательная официальная форма для всяких предоставляемых правительством разрешений или льгот: вначале приводится основание для решения, т. е. челобитная, а затем следует резолютивная часть. Именно так, видимо, строились строгановские жалованные грамоты. Содержавшиеся в челобитных доводы представляли собой результат предшествовавшего обсуждения этих вопросов в московских приказах.

«...И аз царь и Великий князь Иван Васильевич всея Руси Григорью Аникееву сына Строганова⁹ пожаловал, велел есмю на том пустом месте... городок поставити, где бы место было крепко и устояливо, и на городе пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальников и воротников велел ему устроить собою (т. е. на свои средства) для бережения от Нагайских людей и от иных орд...»

Грамота эта, устанавливавшая все основные начала организуемого предприятия, представляла собой колониальную хартию, положившую начало освоению и хозяйственному развитию Великопермского края¹⁰.

⁸ «История Сибири». Т. I, стр. 333—334. М. 1937.

⁹ Формально грамота выдана Григорию, но предназначена она для семьи Строгановых.

¹⁰ Жалованные колониальные грамоты Ивана Грозного Строгановым открывали новую страницу в колониальной политике тогдашней Европы. Заложенные в них начала на несколько десятилетий предшествовали суверенно-организационным началам нидерландской и (следовавшей по её

Территория, поступившая во владение Строгановых по этому первому «жалованию», на р. Каме, исчислялась в 3 415 840 дес. (3760 тыс. га)¹¹. Через 6 лет, 2 января 1564 г. получена была подтверждательная грамота на сооружение второго «городка» ещё в одном месте, где обнаружен соляной рассол¹².

Показательна последовательность устанавливаемых первыми же двумя грамотами директивных указаний и привилегий. В качестве первейшей задачи выдвигаются мероприятия военно-оборонного порядка — устройство защищённых «городков» и организация «береженья». Укрепления строятся с таким расчётом, что в Пермскую округу «воинским людем, лете в судех и зиме рекою Камою, мимо те городки безвестно пройти будет неже». Предусматриваются даже конструктивные особенности одного из городков: «стены сажен по тридцати, а с приступную сторону для низи и к варницам ближе в глины места камнем закрасити». Далее следуют мероприятия по обеспечению прочной земледельческой и промышленной колонизации новых владений: «пашни пахати, двory ставити, людей называти, росолу искати, соль варити...» И затем уже вопросы налоговые, торговые, административные и судебные. Таков был всеобъемлющий, государственный характер первых жалованных грамот «компаниям» Строгановых.

Через 8 лет в царской грамоте Анике Фёдоровичу от 16 августа 1566 г., по поводу вступления Строгановых в опричную, указывается: «Был челом сын твой Яков... и на том же месте с детми поставили два городка, городок Канкар на пьскорском мысу и городок Каргедан на Орловском наволоке, и на городках пушки и пищали учинили, и пушкарей и пищальников и воротников устроили собою, для береженья от Нагайских людей и от иных орд, и пашню пашете, и двory ставите, и людей называте, и росолу доискались и варници поставили...»¹³.

Челобитная, на которую ссылается эта грамота, явно содержит как бы отчёт в выполнении царских заданий и принятых на себя обязательств — по привилегиям 1558 и 1564 годов.

Колонизация жалованных владений шла, очевидно, достаточно успешно, несмотря на их отдалённость и наличие «незамырённых» ещё туземцев. Через десятилетие после начала своей деятельности в Прикамье

столам) английской Ост-Индской компании. Этот вопрос рассматривается автором в другой его работе.

¹¹ Дмитриев А. «Пермская старина». Вып. I, стр. 101. Пермь. 1889. Здесь приведены цифры из «Историко-статистических таблиц по пермским имениям Строгановых» Ф. А. Волегова, изд. 1889 г., которых в Москве не оказалось.

¹² Дополнения к Актам историческим № 117. Т. I.

¹³ Там же, № 118. Т. I.

Строгановы закрепили за собой права на новую обширную территорию в районе реки Чусовой¹⁴, площадь в 4 129 217 дес. (4516 тыс. га)¹⁵.

Грамота от 25 марта 1568 г. выдана на имя другого сына Аники Фёдоровича — Якова. Жалованные привилегии сохранены в ней прежние, но несколько расширенные и уточнённые.

Первоначально московские власти относились к Строгановым, повидимому, с некоторой осмотрительностью. Когда, в связи с первой жалованной грамотой от 1558 г., Строгановым потребовалась селитра для военного снаряжения, им дано было разрешение на выварку 30 пудов селитры в Сольвычегодском районе. Однако одновременно последовало предписание старостам Соли Вычегодской и Усольского уезда: «... в котором месте Григорей станет ямчюгу варити, и вы б того берегли, чтоб он болши тридцати пуд ямчюги не варил»¹⁶.

В дальнейшем отношении правительственных кругов к Строгановым стало иным. Да и масштаб хозяйственно-торговой предприимчивости Аники Фёдоровича и «Аниковичей»¹⁷ исключительно возрос. Они имели торгово-складочные базы («дворы») во многих городах как в Поморье (Кольский берег, Двина), так и во внутренних областях страны. Вели весьма выгодную «скупку» пушнины в северных районах, выменивая у неискущённых туземцев ценнейшие сорта пушнины за малочисленную обиходную утварь и дешёвые зарубежные безделушки.

Строгановы посылали в зауральские пушные районы сухопутные партии. Кроме того они намеревались организовать морскую экспедицию (на двух кораблях) из Двинского

устья по Северному морскому пути¹⁸. Вели они, вероятно, и заморскую торговлю: голландский историк Схелтема сообщает, что освобождённый Строгановыми из тюрьмы и служивший затем у них нидерландец Брюнелъ приезжал (около 1577 г.) в Дордрехт с грузом строгановской пушнины¹⁹. Выполняли Строгановы и некоторые торгово-комиссионные и контрольные поручения московских властей. Сохранилась также запись, свидетельствующая об их торговых связях с Бухарой (упоминается предписание астраханскому воеводе от 12 августа 1574 г. о пропуске строгановских людей «в Бухарию за товарами») ²⁰. Диапазон интересов Строгановых характеризуется также и составленной Аникой Фёдоровичем библиотекой, содержавшей 78 печатных и рукописных книг²¹. Понятно, что «светской» литературы в этой библиотеке не было, состояла она из книг религиозно-богословских, но всё же самое наличие таких запросов показательное.

Промышленная деятельность Строгановых заключалась в соляных предприятиях в Соли Вычегодской, Соли Камской и на Чусовой. В дальнейшем они приступили к разработке рудных ископаемых. Располагали также необходимыми транспортными средствами.

Строгановские «вотчины» показали свою административно-хозяйственную устойчивость. Их военно-оборонное значение было проверено при отражении нападений туземных «воинских людей». Соответственно в 1574 г. встал вопрос о распространении колониальных владений и деятельности Строгановых на соседние области Сибири.

Мы ознакомились выше с разнородными взглядами русских историков по вопросу о покорении Сибири. Однако их объединяет одно общеувоенное представление: сибирские события и поход Ермака протекали вне зависимости от общеполитической линии московского правительства. Это толкование охотно восприняли и подчёркивают

¹⁴ Дополнения к Актам историческим. № 119. Т. I.

¹⁵ Дмитриев А. Указ. соч., стр. 102.

¹⁶ Акты Археологической экспедиции. № 254. Т. I.

¹⁷ «Аниковичами» прозывались не только сыновья, но и внуки Аники Фёдоровича. В официальных документах того времени они, правда, именовались по имени, отчеству и фамилии, но и здесь прорывалось иногда общепринятое прозвище. Так, в царской грамоте от 20 декабря 1581 г. говорится: «А которые будут охочие люди похотят ити в Оникеевых слободы в Чусовую, и в Сылу, и в Яйву на их наём...» В это время жив был только один сын Аники, Семён, а большая часть владений принадлежала внукам — Максиму и Никите. Аниковичами их именовали и иностранцы (см. ниже; у Схелтемы только приводится искажённое «Ametskers» вместо «Anickers»). Об Аниковичах писал несколько десятилетий спустя голландец Исгак Масса («Описание страны самоедов в Татарии». 1612 г.; русский перевод у М. П. Алексеева: «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», стр. 256. Иркутск. 1941).

¹⁸ Об этом говорится в письме, сообщённом известным географом Меркатором английскому историку Гаклюйту (Hakluyt Rich. «The principal navigations of the English nation». V. III, p. 450—454. 1905).

¹⁹ Scheltema J. «Rusland en de Nederlanden». Ч. I, стр. 39. Амстердам. 1817. Относительно приписываемых всеми историками этому Брюнелю мифических заслуг «первооткрывателя» морского пути в устье р. Оби мы расскажем особо.

²⁰ Введенский А. «Торговый дом в XVI—XVII вв.», стр. 94—95. Л. 1924.

²¹ Общее представление (без итоговых данных) о многообразном хозяйстве Строгановых даёт А. А. Введенский: «Аника Строганов в его Сольвычегодском хозяйстве». Сб. статей по русской истории, посвящённый С. Ф. Платонову, ПТБ. 1922.

²² Богданова Н. Сборник, посвящённый проф. Малееву, «Sectum Bibliologicum». Т. XXX, стр. 277. ПТБ. 1922. Введенский А. Журнал «Север». Кн. 3—4, стр. 105. Вологда. 1923.

также все иностранные историки, писавшие и пишущие о Сибири. Так, Бонд заявляет, что покорение Сибири совершилось «почти без ведома» Грозного²³; В. Кокс: Сибирь привлекла снова внимание Грозного после её «случайного» покорения²⁴.

Подобные же определения находим и в весьма обстоятельных исследованиях по истории России, опубликованных в последнее время Калифорнийским университетом. Р. Кернер пишет: «Лишь тогда, когда стали известны первые успехи Ермака в овладении столицей Сибири, Москва учла, какие возможности открывает это не только в отношении защиты восточного края Европейской России от нападений туземцев, но и в деле дальнейшего продвижения на восток... Возникшее как начинание частновладельческого жалованного (chartered) предприятия Строгановых, всё дело (покорения Сибири. — Г. К.) было затем взято государством в своё ведение»²⁵. Другой американский историк, Р. Фишер, утверждает, что «вылоть до того момента, когда посланцы Ермака прибыли в Москву, политика царя оставалась неизменной: он отрицательно относился к сибирскому походу Строгановых... Решение царя оказать поддержку Ермаку означало, понятно, что Москва отказалась от политики невмешательства (hands off) в отношении уральских границ»²⁶.

И так во всех иностранных высказываниях о Сибири. Посмотрим же, насколько такие воззрения обоснованы.

II

После завоевания Казани и утверждения русского господства в Астрахани сильно возрос вес Москвы в соседних восточных странах. В Сибирском ханстве в то время происходила борьба между двумя владетельными родами: тайбугинов и шибанидов. Властвовавший в ту пору представитель первого рода — Едигер — решил заручиться поддержкой московского царя против шибанида Кучума. Как повествует Никоновская летопись²⁷, в январе 1555 г. прибыли в Москву послы Едигера и «здоровали государю... на царствех на

²³ Bond E. «Russia at the close of the sixteenth century», p. 82. London. 1856.

²⁴ Coxе W. «Account of the Russian discoveries between Asia and America to which are added the conquest of Siberia», p. 180. London. 1780.

²⁵ Kerner R. «The urge to the sea», p. 68, 72. Los-Angeles. 1942.

²⁶ Fisher R. «The Russian fur trade 1550—1700...», p. p. 26—27. Los-Ang. 1943. Определяющее влияние на эти заключения Фишера имели, повидимому, взгляды С. В. Бахрушина. Как поясняет рецензия в «Вопросах истории» (№ 5—6, стр. 190), Фишер особо отмечает С. В. Бахрушина, «как одного из самых выдающихся современных историков Сибири».

²⁷ Никоновская летопись VIII, стр. 248. (Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Ч. I.)

Казаньском и на Астраханском, да били челом государю от князя Едигера и от всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял во своё имя и от сторон ото всех заступил и дань свою на них наложил и дорогу своего прислал, кому дань собирать... И государь их пожаловал, взял их князя и всю землю во свою волю и под свою руку и дань на них наложить велел». Размер дани, которую послы обязались вносить от имени Едигера и «всей своей земли», — «давати государю со всякого чёрного человека по соболу, да дороге государеву по белке с человека, а чёрных у себя людей сказали 30 тысящ семсот». Таким образом, ежегодная дань царю должна была составлять 30 700 соболей.

Иван IV послал в Сибирь Дмитрия Курова, которому приказал «князя Едигера и все землю Сибирскую к правде привести и, чёрных людей переписав, дань свою сполна взять»²⁸.

В ноябре 1556 г. Куров возвратился в Москву, с ним прибыл едигеров посол Боянда. Дани они доставили всего 700 соболей. Едигер писал, что их «воевал Шибанский царевич (т. е. Кучум) и людей поймал многих», а потому соболей было добыто мало. Но «Митка Куров сказал, что им было возможно сполна дань прислати, да не похотели». Царь Иван поступил круто: «На Сибирского посла опалу подожил, велел его живот поймати, а ему за сторожи сидети», а в Сибирь послал служивого татарина с грамотою, чтобы «ся во всё перед ним, государем, исправила»²⁹.

В 1557 г. возвратились из Сибири служивые татары и с ними послы едигеровы. Доставили они «дань Сибирские земли сполна, тысящю соболей... да и грамоту шертную привезли с княжею печатью»³⁰. Царь Иван посла Боянду из заключения выпустил «и очи свои (т. е. аудиенцию) дал и пожаловал, отпустил, а с ним послал служивых татар по дань в передней год».

Как видим, доставленная на этот раз дань была далеко не «сполна»; вместо обусловленных 30 700 соболей прислана была всего одна тысяча, что составляло только 25 «сорок».

Насколько реален был размер дани, первоначально установленный для Сибири, можно проверить, сравнив его с нормами ясака в Сибири после её покорения. По Сургутскому уезду, т. е. покорённому Обь-Иртышскому району, около 1610 г. (стало быть, уже в период значительно уменьшившихся по сравнению с 1557 г. запасов промыслового зверя) ясак взымался по 11 соболей с человека. Василий Шуйский «збавил по два соболя с человека», установив оклад ясака в девять соболей. Даже вишерские вогулы вносили в 1607 г. ясаку «с человека по пяти

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 276.

³⁰ Там же, стр. 285.

соболей»³¹. В 1629 г., по словам Буцинского, почти все волости (Сургутские) жаловались на недостаток зверя, а между тем русские промышленные люди в том же году и в тех же местах добыли почти по 120 соболей с человека³². Мы убеждаемся, таким образом, что предложенный послами Едигера и принятый первоначально Москвой размер дани (по одному соболю с охотника) представлялся минимальным.

Как рассматривалась ценность соболя в тогдашней Москве, покажут нам следующие примеры. Возьмём цифры, относящиеся к 1586 году: «Ясаку воложил (государь) на Сибирское Царство и на Конду Большую, и на Конду на меньшую, и на Пельмское государство, и на Туру реку, и на Иртыш, и на Иргизское государство, и на Пегие Колмаки и на Обь Великую и на все городки на Обские, на девяносто на четыре города — с году на год имати по пяти тысяч сороков соболей, по десяти тысяч чёрных лисиц; да по пяти сот тысяч белки большие Сибирские и Илетские»³³.

Вот каковы масштабы: 200 тыс. соболей, 10 тыс. чернобурых лисиц, 500 тыс. отборной белки! Кроме того собирали бобров, куниц, горностаев и т. д.

На этих цифрах стоит остановиться. Большинство историков принимает вывод Карамзина, что таков был действительный размер сибирского ясака в то время³⁴. Другие соглашаются с толкованием Бэра, что цифры эти были выдуманы с целью подчеркнуть материальное преуспеяние государства в связи с отвергнутым Москвой проектом Баторгия о польско-русской унии. Для оценки справедливости таких толкований следует, во-первых, учесть, что в московском сообщении говорится не только о Сибирском царстве, но и о Конде, и о Пе-

³¹ Акты А. Э. Т. II, № 75.

³² Буцинский Н. «Сургут. Нарым, Кетск», стр. 11. Харьков. 1893. Здесь, однако, нужно иметь в виду следующее: 1) ясак взимался с помощью бесчеловечной системы аманатов (заложников), при которой соответствующий род или семья должны были вносить положенный ясак во избежание репрессий по отношению к близким людям; 2) 120 соболей на каждого промышленного человека могли включать также некоторое количество соболей, «добытых» у туземного населения.

³³ Карамзин Н. Т. X, прим. 44. Что тогда понималось под 94 «обскими городами», можно уяснить при сравнении их с «волостями». Царская грамота от 1594 г. (Собр. госуд. грамот и договоров. Т. II, № 63) определяет: «а людей (ясачных. — Г. К.) в Вокупольской волости восемь человек, а в Колпакутской волости три человека». Один из вымских князей владел шестью «городками» (там же, № 54).

³⁴ Карамзин Н. Т. X, стр. 17.

³⁵ Вагг К. «Uebersicht des Jag-Erwebes in Siberien». «Belträge zur Kenntnis des russischen Reichs». VII. S. 135—136. Petersburg. 1845.

лыме, и о низовой Оби, в кучумово царство не входивших. Во-вторых, нам представляется, что самая мысль цитируемого сообщения при этом искажается. Государь «положил»... Но ведь «положил» — не значит получил! В 1586 г., когда началось закрепление сибирских позиций (после поражений Ермака и неудачного похода Болховского в 1584 г.), и пушные ресурсы Сибири оказались действительно огромными, московские приказы считали возможным планировать сибирские пушные доходы на будущее в соответствующих масштабах. Государь «положил с году на год имати» должно пониматься в порядке перспективных предположений, в числе которых мог быть и такой «максимальный вариант». Московские дипломаты не выдумывали, а лишь считали возможным использовать фигурировавшие в расчётах цифры, дабы тем подчеркнуть выгодное положение России. В том, что такие цифры не должны казаться фантастическими, убеждает нас другой пример, показывающий, какими возможностями московская пушная казна в действительности располагала.

В 1595 г. посылались «вспоможение» Рудольфу римско-германскому с целью побудить его к более активным действиям «против неприятеля всего християнства Турского Салтана»³⁶. И вот «роспись мяхой ружьяди, что с послы отпущено к цесарю соболей 1009 сороков (т. е. 40 360, среди которых были и «головные» — особо ценные), куниц 519 сороков (20 760), лисиц чёрных и чернобурых 120, бобров чёрных 3 тыс., волков 1000, белок 337 235, оценённых «по двадцати рублей тысяча», т. е. в 2 коп. за штуку. В Прагу, резиденцию Рудольфа, посылка прибыла 6 августа 1595 года.

По данным Карамзина, пражские купцы оценили эту пушнину в восемь бочек золота³⁷. «... Цесарь смотрел сам всё на лицо... и говорил в слух, что он и прежние Цесари николи таких дорогих соболей и лисиц не видала»³⁸.

«И в Полской, Государь, и в Литовской, и в неметцкой земле, которую дорогою мы шли, тому удивляются, что ты, Государь, такую великую казну к Цесарю послал, каковы изначала не видали».

Такой была «посылка», и так её восприняли за рубежом. Но иначе, повидимому, оценивался она в Москве. Во всей, довольно обширной переписке по этому поводу нет ни единого намёка на то, что посылаемая «казна» представляет какую-то особую ценность. В действительности она и была только выделена из значительно более богатой пушной казны. Оценена она вся была в Москве всего в 44 720 рублей, а для «провожаенья» и послов и пушны посланы были всего «тридцать человек стрельцов».

³⁶ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными». Т. II, стр. 236 и след. ПТБ. 1883.

³⁷ Карамзин Н. Т. IX, стр. 106.

³⁸ Там же, прим. 310.

Наконец, приведём для сравнения лишь ещё один пример того, как «котировалась» пушнина в Москве при Грозном. 28 августа 1578 г. подписан был договор с прибывшим в Москву датским посольством; по возвращении послов из дворца им доставлены были царские «поминки»; посол и пять других делегатов получили каждый по 27 сороков соболей и по 17 сороков кунниц, — следовательно, шесть человек получили 6480 соболей и 4080 кунниц³⁹.

Если всё показанное выше сопоставить с установленной Грозным «со всеё Сибирские земли» данью в 1000 соболей, станет очевидным ничтожный размер такой дани. Поэтому историки, повторяющие вслед за Соловьёвым, что Ивана IV в отношениях с Сибирским ханством занимало лишь одно — получение дани⁴⁰, допускают большую ошибку. Не заинтересованность в 25 сороках соболей определяла позиции Грозного, и не из-за недоставленных 300 соболей стал бы он налагать «опалу» на сибирского посла Боянду и сажать его в тюрьму. Это была политическая линия, которую попытаемся выявить в дальнейшем изложении.

III

Отношения между Москвой и Едигером были неустойчивы, что в первую очередь объясняется непрочностью положения самого Едигера в его борьбе с Кучумом. О произошедшей в 1563 г. в Сибири смене правления говорит царская грамота от 2 января 1564 г.: «хвалитца деи Сибирской салтан Ишибаны (т. е. шибаниды) итти в Пермь войною»⁴¹, — значит, тогда у власти в Сибири находился уже шибанид Кучум.

Дальнейшие сведения о взаимоотношениях с Сибирью мы встречаем под 1570 г., когда в Москву прибыла первая грамота Кучума. Грамоту эту доставил пермский наместник Ромодановский. Иван Грозный находился в Александровской слободе. Бояре ознакомились с грамотой, расспросили Ромодановского и послали царю пояснительную записку вместе с переводом грамоты. В записке упоминается, что в марте 1569 г. из московской тюрьмы был отпущен сибирский татарин Аиса, о котором Кучуму была послана царская грамота. Чем была вызвана эта дипломатическая акция Москвы, неизвестно. Приходится полагать, что инициатива сношений с Сибирью на этот раз исходила от московского правительства⁴². Содержание направленной Кучуму грамоты осталось неизвестным; сохранилась лишь запись начала этой грамоты: «преж сего Сибирской Едигер князь на нас смотрит и з Си-

бирские земли со всеё, на всяк год, дань к нам присылал»⁴³.

Грамоту царскую Аиса доставил в Пермь 3 июня и с нею поехал в Сибирь. Ответ Кучума был дан своеобразным путём: на Чусовой после Ильина дня (т. е. после 20 июля) 1569 г. «Сибирские люди взяли трёх Пермяков, Ивашка Поздеева с товарищи, и был Ивашко у царя в Сибири дён с десяти, и отпустил его на подводах до Перми, а дву товарищев его оставил... а обиды не учинили никоторые, а говорил ему царь: ныне деи дань собираю, господарю вашему царю послов пошлю; а нынеча деи мне война в Казацким царём...»⁴⁴. После такого «вербального» сообщения Кучум 6 декабря 1569 г. прислал в Пермь свою первую грамоту, доставленную Ромодановским. Грамота «вольного человека Кучума царя» в московском переводе, но сохранившую свой особый колорит, стоит привести полностью (пропуски в печатном оригинале):

«Бог богач!

Вольной человек Кочум — царь, Великий князь — Белой царь.

Слыхали есмья... еси и справедлив.

Мы и весь народ земли воюютца, а не учнут воеватца, и они мирятся. С нашим отцом твой от(тец) гораздо помирился, и гости на обе стороны ход(или) по тому, что твоя земля близка. Люди наши в упокое были, и меж их лиха не было, и люди в упокое, в добр(е) жили. А ныне при нашем и при твоём времени люди чёрные не в упокое.

А по ся места грамоты к тебе не посылал есмы потому, с некоторым нам война была, и мы того недруга своего взяли.

И ныне: похощ миру, и мы помиримся; а похощ воеватися, и мы воюемся. Пяти, шти человеков в пойманье держать — земле в том что?

Яз пошло посла и гостей, да гораздо помирился, толко похощ с нами миру. И ты одного из тех людей, которые в пойманье сидят, отпусти и своего человека с ним к нам пришли гонцом.

С кем отец чей был в недружке, с тем и сыну его в недружке быти; будет в дружбе бывал, ино в дружбе и быти. Кого отец обрёл себе дру(га) и брата — сыну его с тем в недружке быти-ли?

И ныне... помирился братом старейшим, учинимся в отечестве. Только похощ миру, и ты наборзе (т. е. немедля) к нам гонца пришли.

Молвя, с поклоном грамоту послал»⁴⁵.

Царь Иван ознакомился с присланным ему докладом, пожелал установить, о чём писалось Кучуму с татаринном Аисой, и затребовал дополнительные сведения. К тому же характер и тон кучумовой грамоты вызвали, видимо, у него сомнения: «пригоже ли нам с сибирским царём о том ссылатись?» Пред-

³⁹ Ульфельд Я. «Чтения Московского Об-ва истории и древностей российских». Кн. II, стр. 181. 1863.

⁴⁰ Соловьёв С. «История России». Т. VI, гл. 7-я.

⁴¹ Дополнения к Актам историческим. Т. I, № 117.

⁴² Подтверждением этому служит первая кучумова грамота: «а по ся месте грамоты к тебе не посылал».

⁴³ Собрание государственных грамот и договоров. Т. II, № 45.

⁴⁴ Акты исторические. Т. I, № 179.

⁴⁵ Собрание государственных грамот и договоров. Т. II, № 42.

ложил царь боярам представить ему их заключение— «да что ваша будет мысль, и вы б приговор свой к нам отписали»,— и всё бы прислали, «не мешкав часа того»⁴⁶.

Этот запрос Грозного боярам очень показателен. Отражает он, во-первых, активнейший интерес к сибирским вопросам, но к тому же характеризует и общий деловой стиль Грозного. Он требовал от бояр ясности: «и почему в Сибирь Тотарин к царю отпущен, и что с ним писано, и в котором году отпущен... да и грамоты (каковы) посланы от нас к царю Сибирскому (с) татаринном Аисой прислали б к нам, не мешкав часа того».

Данных об ответе Москвы на кучумову грамоту в сохранившихся записях мы не находим. Повидимому, и бояре признали, что на подобное послание сибирского хана отвечать московскому царю «не пригоже».

Таковы были отношения с Сибирью в первый период царствования Кучума. Не было открытых столкновений, но жили «не в упкое». Каждая сторона держала людей «в пойманье»: Москва—сибиряков (из числа которых посылался Аиса), а Кучум—пермяков (вроде Ивана Поздеева). Положение Кучума было достаточно прочным. Он усиленно распространял магометанство, сумел объединить сибирские племена и в дальнейшем установить согласованность действий с западноуральскими народностями. В колонизационной деятельности Строгановых на Урале, в значительном росте и распространении русских поселений и предприятий, в появлении острогов он не без основания усматривал угрозу для Сибирского ханства. Однако благоприятное военное положение Московского государства к 1570 г. вынуждало Кучума поддерживать с Москвой мирные отношения. В 1571 г. он направил своё посольство и установленную ранее сибирскую дань— 1000 соболой.

Прибыло посольство в Москву осенью 1571 года в составе посла и гонца. Гонцом приехал уже известный нам Аиса. Привезли они с собой вторую грамоту Кучума, подлинный текст которой не сохранился. В приказных записях приводится лишь вступительное обращение «Крестьянскому Белому царю» и заключительная подпись: «Кучум-богатырь, царь—слово наше», а также сущность грамоты в интерпретации приказных дьяков: «да послал в том, чтоб его царь и Великий князь Сибирского царя грамот выслушал и под свою руку его и во сберегание принял, и дань на него наложил по тысячу соболой». Составлен был текст шерти от имени Кучума, которую должны

были предварительно подписать послы с последующей ратификацией Кучумом. Одновременно назначен был в Сибирь послом сын боярский Третьяк Чебуков. С ним была послана царская грамота «Сибирские начальники Кучуму-царю милостивое слово» (текст не сохранился). Грамота особая— за государевой золотой печатью. «А в речи Третьяку велено от Государя Кучуму-царю поклон правити...» Словом, Москва стремилась немедленно использовать проявленное, казалось, Кучумом миролюбие и закрепить свои позиции в Сибири, установив формальную подчинённость последней и свой над ней протекторат.

Такова была последовательная линия московского правительства по отношению к восточному соседу. Оно старалось не «задирать» воинственного и сильного Кучума, пока не располагало необходимыми материальными и военными возможностями для нанесения уверенного удара. Отдалённость сибирского театра и трудность коммуникаций, при необходимости уделять основное внимание своим европейским границам и делам, диктовали добрососедскую политику по отношению даже к Кучуму, ещё в 1563 г. заявившему о своём намерении «ити в Пермь войною». Более того, учитывая, видимо, разноплеменность Сибирского ханства и сложность организации административного управления обширной страной, Москва считала целесообразным, утвердив своё господство над Сибирью, сохранить в ней кучумову власть. Показательна в этом отношении последовательность московской политики: даже в 1597 г. т. е. через 15 лет после завоеваний Ермака, после того как Кучум «внеслушником учинился и сына боярского Третьяка Чебукова убил, и «на наши украиные места в Пермскую землю войною многижда приходил, и «во многие времена грубости и непослушание чинил»,— ему всё же предлагалось: «если похочешь быти на прежнем своём юрте в Сибири, и мы тебя Кучума-царя пожалуем на Сибирской земле царём»⁴⁸. Однако Кучум даже и тогда соглашался приступить к переговорам только после возврата задержанных царскими воеводами товаров⁴⁹. 20 августа он был окончательно разбит, причём часть его семьи погибла, а задержаны были «пять царевичев, да восемь, цариц Кучумовых жон, да восемь царевых дочерей». Всё же через три дня после сражения ему было сделано последнее предложение, чтобы он «к государю ехал служить, что государь его пожалует... детей и жон велит ему отдать». Но одинокий Кучум и это предложение отклонил: «не поехал я к Государю по Государеве грамоте своею волею... а, за саблюю (т. е. побеждённому) мне к Государю ехать не по что»⁵⁰.

Итак, осенью 1571 г. московские власти старались мирным путём закрепить отношения с Сибирью. Но кучумовы послы появи-

⁴⁶ Дополнения к Актам историческим. Т. I, № 179.

⁴⁷ Собрание государственных грамот и договоров. Т. II, № 45.

⁴⁸ Собрание государственных грамот и договоров. Т. II, № 68.

⁴⁹ Там же, № 66.

⁵⁰ Акты исторические. Т. II, № 5.

лись в Москве непосредственно после побега крымского Девлет-Гирея. Они видели сожжённую Москву. Весьма также вероятно, что кучумовы люди, представители магметанского ханства, установили из Москвы непосредственную связь с лагерем Девлет-Гирея, готовившегося повторить в 1572 г. свой удар. В результате послы дипломатично уклонились от подписания заготовленной дьяками присяги: «а печатей наших, моее Гаймусины и моее Аисчины, и рук наших у сей шертной записи нет по тому, что грамоте и писать не умеем»⁵¹. А когда царский посол Третьяк Чебуков оказался в Сибири, он был убит Кучумом.

В 1572 г. усилились враждебные действия туземцев в Прикамье. По предписанию Ивана IV, Строгановы посылали воинских людей «воевать наших изменников». Как потом выяснилось, это нападение туземцев произошло не без участия Кучума⁵². А в 1573 г. появились уже открытые враждебные действия кучумова лагеря: «приходил с Тобола Сибирского салтана брат Маметкуль (племянник Кучума — Махмет-Кул), собрався с ратью, дорог проведывати, куда ити ратью в Пермь, да многих наших даных остоков побили, а жоны их и дети в полон повели»⁵³.

Из этой обстановки вытекало, что спокойствие на восточной окраине и возможность планомерной её колонизации Строгановыми зависят от поведения Кучума. В то же время мы видим, что Сибирь привлекала внимание Ивана IV ещё до появления великопермских предприятий Строгановых (1558 г.). Начиная с 1555 г. Грозный неизменно стремился к закреплению суверенитета Москвы над Сибирским ханством. Чем же могла быть вызвана такая непонятная, на первый взгляд, настойчивость в распространении своего формального господства на далёкое Зауралье, когда не были ещё освоены огромные пространства Заволжья и Урала? Ясно, что нормальные предпосылки для дальнейшей государственно-хозяйственной экспансии на восток тогда ещё отсутствовали: не могла же сибирская политика Грозного вызываться и определяться соображениями дани в 1000 соболей! Малоценной сибирской дани придавалось, очевидно, другое значение. Она приобретала государственный смысл лишь в аспекте главной цели — утверждения суверенитета московского царя. Дань должна была служить материальным подтверждением этого суверенитета. Посадил царь Иван сибирского посла Боянду в тюрьму не из-за недоставленных 300 соболей, а потому, что Едигер ограничился присылкой соболей, не сопроводив их формальным признанием господства «Белого царя». А сменил Грозный своей гнев на милость тогда, когда специальное посольство, «Интемир с товарищы», привезло «грамоту шертную за княжю печатю», «что ся учинил князь (то есть Едигер) в холопстве и дань на всю свою землю положил, и вперёд еже-

год беспредводно та дань... царю давати»⁵⁴. Вот где «корень вещей»: «дань ежегод» как следствие и подтверждение «холопства», т. е. подвластности Москве! В том же разрезе ставился вопрос и в сношениях с Кучумом: он легко мог бы присылать ежегодно в Москву по 1000 соболей — такой «поминок» был почти неощутим в пушном обороте Сибири. Но когда от него потребовали подписания шертного письма, дело приняло другой оборот. В такой трактовке излагается вопрос о кучумовой дани в грамоте Фёдора Ивановича (1597): «Отец наш тебя в своём царском жалованье держал под своей высокою рукою, а после того ты, Кучум-царь, от отца нашего и от его царского жалованья отстал и... непослушником учинился еси и дани не давати почал еси...»⁵⁵. Прекращение дани рассматривается здесь как вытекающее из основного «непослушания» — из отхода от «высокой руки».

Чем же вызывалось настойчивое стремление Ивана IV к утверждению своего формального господства над Сибирью? Нам представляется, что причины этого были заложены в историческом отношении московских властей к тому интересу, который проявляли к Зауралью европейцы. Ещё при Иване III, в 1492 г. появился в Москве некий Михаил Снупс с письмом от «Максимьяна короля (римско-германского) да от Сизмонта (австрийского)», в котором излагалась просьба предоставить Снупсу возможность «государства и земли видети... о которых нам часто всказывали». Снупс просил отпустить его «до далних земель нашего государства, иже есть под востоком на великой рече Оби». Но просьба эта была отклонена: «И мы его тамо не отпустили, за великое расстояние далечею пути»⁵⁶. Истинная причина отказа станет более ясной из того, что просьба Снупса отпустить его обратно «на Турского (т. е. турецкого султана) землю или на Польского короля» тоже была отклонена под предлогом того, «чтобы над ним которая притча не сталася». Разрешили ему выехать «на Немецкую землю тем же путём, которым к нам пришол», т. е. через Новгород.

В дальнейшем с середины XVI столетия начались попытки иностранцев проникнуть на р. Обь морским путём. По представлениям тогдашних европейских географов⁵⁷, река Обь вытекала из мифического Китайского (Kathay) озера, близости от которого якобы располагается Cumhalic regia in Kithay (Пекин). Первое путешествие северным путём, предпринятое англичанами, закончилось гибелью экипажей двух судов, а третье судно вошло в Белое море и в устье Северной Двины. С тех пор установились непосредственные морские торговые

⁵⁴ Никоновская летопись. VII, стр. 285.

⁵⁵ Собрание государственных грамот и договоров. Т. II. № 68.

⁵⁶ «Памятники дипломатических сношений». Т. I, стр. 108. ПТБ. 1851.

⁵⁷ Герберштейн Сиг. «О московских делах», перевод Малеева. ПТБ. 1908; Наклуыт. Op. cit. Т. II. 1905.

⁵¹ Собрание государственных грамот и договоров. Т. II. № 45.

⁵² История Сибири. Т. I, стр. 339. М. 1937.

⁵³ Там же.

сношения между Москвией и северо-западными странами Европы.

Поиски морского прохода в Обь продолжались. Они не приводили к желаемым результатам, но в Москве вызвали неизменные опасения за целостность отдалённых северных окраин государства. Тревогу вызывала возможность появления слишком предприимчивых и настойчивых «немецких людей» на Оби, т. е. в Сибири.

Особо рекомендованный Грозному Елизаветой Английской посол Боуэс настойчиво добивался разрешения на заход английских кораблей в устья Печоры, Оби и «Изленди» (по мнению царских советников, «Изленди» — река за Обью); на этом основании историки принимают её за Енисей; однако «Изленди», вероятно, английское «Eastland» — означала, скорее всего, лишь местность за Обью; Енисей — «Елисей», «Gilissy» — стал известен позднее). Во исполнение царского приказа заключения по домогательствам Боуэса дали бояре: в отношении Двины, Варзуги, Печенги и Мезени они считали возможным «поступить», но в заходе на Печору, Обь и Изленди считали необходимым «отказати». Аргументация самого Ивана IV по данному поводу достаточно показательна: «И государь послу говорил: ...А что написано: пристанища ж морские Печора, да Изленди, да река Обь, и тому стати невозможна; те места в нашей отчине от тех мест, где приставают Англинские гости, далеко, да и пристаны в тех местех нет и приставет тут не пригодитца, а лише в тех местех ведутся соболи да кречеты. И только такие дорогие товары, соболи и кречеты пойдут в Аглинскую ж землю, и нашему государству — как бес того быти»⁵⁸.

Нет нужды, полагаем, пояснять, насколько приведённая аргументация нарочита. Под различными предлогами Москва стремилась не допускать проникновения иностранцев в далёкие северные «пристанца». Весьма круто правительство поступило с англичанином Маршем, организовавшим сухопутную экспедицию (1584) в низовья Оби: пушнина была задержана, сопровождавший её служивший у Марша русский человек (Богдан) подвергся наказанию, а Марш получил строгое предупреждение таких дел не повторять. Линия поведения московских властей вызвала у англичан предположения, что делается это неспроста, что здесь кроется какая-то большая тайна.

Настороженное отношение московского правительства к подобным начинаниям иностранцев имело под собой основания. Достаточно вспомнить о прожектах «северной» интервенции Штадена⁶⁰, замыслах Мерика⁶¹, планах Мушера занять острова Колгуев

и Вайгач⁶² и многократные заходы иностранных торговых судов в запретные северные места. Не случайно, полагаем, установление даннических отношений с Едигером (1555 г.) нашло своё первое отражение в грамоте Грозного именно в Англию. Впервые в царском титуле появилась Сибирь — «вся Сибирские земли и северных стран повелитель»⁶³. Да и самый объект английских настойчивых поисков — Китай — путь, в который якобы пролегал вдоль северных московских берегов, а затем рекой Обью, т. е. через Сибирь, также привлекал внимание Грозного. Голландец Исаак Масса, сообщивший много сведений о Московском государстве, говорит о проводывательном походе в Китай⁶⁴, который, по смыслу высказываний Массы, может относиться к периоду Ивана IV. Имеется ещё сообщение одного итальянца (относимое примерно к 1557 г.) о том, что Грозный «обещает большие награды» за плавание Северным морским путём⁶⁵. Со всем этим следует связать намерение Строгановых — не без одобрения Грозного — направить два корабля в северное плавание. Всякие также искания связывались тогда с Обью, т. е. с Сибирью.

⁵⁸ Сборник Русского Исторического общества. Т. 116, стр. XCV—XCVI.

⁵⁹ «Commander of all the land of Siberia and the North parts» впервые в ответной грамоте Филиппа и Мэри от 1557 г., доставленной возвратившимся из Англии первым московским послом Осипом Непеей (Собрание государственных грамот и договоров, V, № 113). Следовательно, содержалось такое выражение в ивановой грамоте 1556 г., с которой выехал в Англию Непея. Здесь уместно отметить, что многие историки, повторяя Карамзина (т. VIII, прим. 42), относят включение Сибири в царский титул к 1554 г., т. е. ко времени, предшествовавшему первому едигерову посольству и, стало быть, не связанным с этим событием. Но Карамзин был введён в заблуждение Гаклюйтом, который при опубликовании первой грамоты Грозного в Англию от 1554 г. решил «восполнить пробел», обнаруженный им в царском титуле этой грамоты по сравнению с титулом последующих грамот. Включил он слова «Commander of all Siberia», которые и ввели в заблуждение Карамзина. Гамель («Англичане в России», стр. 28—29, 1865) установил этот факт. Но Гамель, в свою очередь, допускает ошибки. На стр. 25-й, отмечая прибытие англичан (1553 г.) в Россию, он пишет: «Не задолго перед тем... Сибирь... обязалась, в знак подданства доставлять соболи и белчиьи меха». Ошибочно приводит Гамель также царский титул, хотя он имел правильный немецкий (сделанный в Москве) перевод: «Allen Siberschen Lünde und Norden sieden beffeller». Первое включение Сибири в титул произошло в указанном, 1556 году.

⁶⁴ «Краткое известие о Московии в начале XVII в.», стр. 17. М. 1937.

⁶⁵ «Relazione dell Imperia a Ducato di Moscovia». Чтения Московского Общества истории и древностей российских, кн. 2-я, стр. 245. 1913.

⁵⁸ Сборник Русского Исторического об-ва. Т. 38, стр. 94 и след. ПТБ. 1883.

⁵⁹ Purchas S. «Hakluytus Posthumus». V. XIII, p. 206. 1905.

⁶⁰ Staden K. «Aufzeichnungen über den Moskauer Staat». Hamburg. 1930.

⁶¹ Любименко И. «A project of acquisition of Russia by James I». «English Historical Review», XIX. April. 1914.

Полагаем, что имеется достаточно оснований в данной плоскости искать объяснение начальным стремлениям Грозного к утверждению московского суверенитета, а затем и господства над Сибирью⁶⁶.

IV

Вызывающее поведение Кучума в период 1572—1573 гг. показало Грозному, что его расчёты на превращение Сибири в подчинённое Москве вассальное ханство необходимо подкрепить силой. Очевидно было также, что соседство с непокорённым Кучумом будет вызывать постоянное беспокойство в Пермской округе и что для нормального развития Великоперских колоний необходимо усмирение воинственного соседа. Строгановские предприятия на Урале представляли собой придвинутые к Сибири исходные военно-стратегические базы. Теперь эти базы требовалось продвинуть ещё дальше на восток. Военное значение восточных колоний сказалось в 1572 г., когда выставленные Строгановыми вооружённые силы помогли справиться с нападениями туземцев, а в 1573 г. воздвигнутые там укрепления приостановили дальнейшее движение отрядов Кучума («а до их острогу... Сибирской не доходил за пять вёрст»). Соответственно возникла мысль об основании строгановских колоний и за Уралом.

В марте 1574 г. Строгановы вызывались к царю. Сохранилась царская грамота — подорожная для проезда в Александровскую слободу Якову и Григорию Аникиевичам Строгановым (Аника Фёдорович умер в 1570 г.). Через два месяца (30 мая 1574 г.) им же (обоим) была выдана первая сибирская жалованная грамота⁶⁷.

На этот раз в колонизируемую территорию включался район Тобола — «по обе стороны Тобылы реки и по рекам и по озерам и до вершин». Расширялись и объекты промышленной эксплуатации, проектировалась разработка железных руд, а также опытная разработка («на испити») других ископаемых — «медяную руду или оловянную, свинчатую и серы горючие».

⁶⁶ Мы учитываем при этом и грамоту Фёдора Ивановича Кучуму от 1597 г. (Собрание государственных грамот и договоров. Т. II, № 68), содержащую ссылку на дань, которую присылали сибирские ханы «прародителям нашим». Но рассматривать возможные эпизодические сибирские «поминки», как доказательство существовавших ранее давнишеских отношений было бы неосновательно. Кучум в своей первой грамоте определил, как обстояло дело: «С нашим отцом твоей отец гораздо помирялся, т. е. подчинения не было. Имеем мы ещё и косвенное подтверждение: в ящике 211 царского архива наряду с шемахинскими и бухарскими грамотами хранилась «грамота и перевод Ибалка царя (тут, понятно, описка: речь идёт об Ибаке)... и Книги Сибирские» (Собрание государственных грамот и договоров. Т. I, № 289). Ибак, следовательно, классифицировался как независимый, а не подвластный хан.

⁶⁷ «История Сибири». Т. I, стр. 339—341.

В первую голову грамота намечает способы вооружённой защиты и колонизации края, уже оправдавшие себя в Прикамье. Налоговые, податные, административные и судебные привилегии оставались прежними.

Новое в грамоте 1574 г. заключается прежде всего в прямом предписании о наступательных военных операциях против сибирского «салтана»:

«... а на Сибирского Якову и Григорию, збирая охочих людей и остяков и вогулич и югрич и самоедь с своими наёмными казаки, и с нарядом своим посылати воевати, и и полон сибирцов имати, и в дань за нас приводити».

Но затем внимание привлекает заключительный абзац грамоты. Он представляет собой неожиданное «пожалование», выходящее далеко за пределы Тобольского района:

«Также есмь Якова и Григория пожаловал: на Иртыше и на Оби и на иных реках, где пригодица, для береженья и охотчим на опочив (т. е. охочим ратным людям для отдыха) крепости поделати и сторожей с вогняным нарядом держати. И из крепости рыба и зверь ловити безоброчно».

Об этом дополнительном задании во всей челобитной части грамоты нет ни единого упоминания. Включено оно в грамоту после законченного перечня льгот, непосредственно перед подписью, и ставит совершенно новые, чисто военные задачи — выдвигание сети вооружённых форпостов в глубь основной кучумовской территории, на Обь и Иртыш, — в других строгановских челобитных и грамотах не упоминавшиеся. Не поселений, как это предусматривают все другие жалованные документы, а опорных пунктов военного назначения. Здесь отсутствует перечень основных элементов прочной оседлости: нет ни дворов, ни пашен, ни пожен, а предусматриваются лишь охота на зверя и рыбная ловля для пропитания гарнизонов. Целевое назначение военно-опорных форпостов вполне конкретное: «для береженья и охочим на опочив». Оговаривается наилучшее военное снаряжение: «с вогняным нарядом». Можно даже отметить и расхождение этой специальной директивы с содержанием самой грамоты: последняя продолжает предусматривать случаи проезда через новые жалюемые места послов и гонцов в Сибирь и из Сибири, следовательно, исходит из презумпции возможных мирных отношений с Кучумом; сооружение же крепостей на коренной кучумовой территории означало агрессивную политику в отношении Кучума, исключавшую возможность нормальных дипломатических сношений с ним.

Мы имеем, следовательно, основания полагать, что заключительный абзац о выдвигании «крепостей» на Иртыш, Обь и даже «на иные реки» внесён в грамоту по прямому указанию Грозного уже после того, как ему был представлен на утверждение подготовленный её текст.

Корни сибирских замыслов 1574 г. являются ещё и в другом. При организации своего первого предприятия на Каме Строга-

новы преследовали промышленно-торговые цели. вполне понятен и естественно интерес к такому делу со стороны крупных и предприимчивых вычегодских солеваров, располагавших уже к тому времени сведениями о богатых соляных источниках Соликамского района. Проект хозяйственной «экспансии» Строгановых на Прикамье встретил действительную поддержку со стороны центральной власти, сочетавшей с этим начинанием и задачи государственного порядка на восточной окраине⁶⁸. Последовала грамота от 4 апреля 1538 г.; предусматриваемая ею главнейшая промышленная задача — «соль варити». Следующая грамота, от 2 января 1564 г., преследует те же основные хозяйственные цели: «росол нашли и варницы ставят и соль варити хотят». Третья грамота, от 25 марта 1568 г., на новый район Чусовой в тех же целях: «а по Чусовой реке в верх на пустом месте при наволоке росол нашли».

Таковы были хозяйственные предпосылки и основы великопермских начинаний Строгановых. Но для сибирских решений 1574 г. наиболее характерным является другое — полное отсутствие непосредственно хозяйственных предпосылок. Их не было.

Единственный довод, который выдвигают историки в объяснение приписываемых ими Строгановым планов по покорению Сибири, — это довод о заинтересованности Строгановых в обеспечении путей к районам, изобилующим пушшиной. С. Ф. Платонов в специальной статье «Строгановы, Ермак и Мангазей»⁶⁹ усматривает такой предпринимательский стимул в мангазейском соболе. Нет нужды приводить выдержки из этой статьи, заглавие которой говорит само за себя. Но дело в том, что пути в Мангазею как «чрезкаменный» (чрезуральский), так и, разумеется, морской проходили несравнимо севернее путей в Кучумову Сибирь. Конечно, покорением Кучумовой Сибири укреплялись и связи с Мангазеей, но такого рода соображения не могли бы побуждать расчётливых купцов к военным операциям. Аналогичные доводы выдвигает С. В. Бахрушин: «Открывшийся спрос на пушнину со стороны заграничных рынков всколыхнул русских промышленников и предпринимателей... В 1574 г. Строгановы выступают с проектом захвата дороги в глубь Сибири путём постройки, на свой счёт на Тоболе, Иртыше и Оби ряда укрепленных пунктов»⁷⁰. Однако именно С. В. Бахрушин в той же своей книге весьма убедительно на многих примерах показал,

что, «несмотря на неудобства и опасности «чрезкаменного» пути, в течение всего XVII в. он оставался «большой сибирской дорогой, по которой из года в год шло значительное движение в Сибирь и обратно»⁷¹.

В виде иллюстрации к сказанному приведём пример из строгановских пушных дел. В 1615 г., т. е. когда южно-сибирский путь был в полнейшей мере обеспечен и были уже освоены и Обь и Енисей, проживавшего на Урале, в Орле-городке, Никиту Строганова просили другие Строгановы закупить какое-то количество соболей. Никита им отвечает: «Нынечи у Соли Камской отнюдь никаких соболей не добыты, нетокомо добрых и плохих, и у которых у торговых людей было соболей с весны и те все свезли к Колмогорам и заехали на немецкие товары. Будут ли соболи к Соли по зиме с Сибирских городов... и на то, Государи, нечего надеяться налучи соболи, промышленяти у Соли Вычегодские как мотчи»⁷². Как видим, соболя идут в Колмогоры, и путь их, в частности лучших соболей, из Сибири лежит к Вычегде и к Двине, минуя пермские города. Стало быть, все рассуждения насчёт особой заинтересованности Строгановых в обеспечении именно пермского маршрута для сибирской пушнины представляются беспочвенными.

Мы убеждаемся, таким образом, что правительственные решения о Сибири 1574 г. принимались вне зависимости от хозяйственных расчётов Строгановых. Эвентуальные хозяйственные перспективы лишь сопутствовали задачам общегосударственным. Основной целью решений 1574 г. является подготовка наступления на Кучума, и осуществление должна эта цель путём дальнейшего продвижения строгановских вотчин на восток. Строгановым предоставляется новое «жалованье» с целью обеспечения военно-стратегического плацдарма, и для этой цели им жалуются и льготы и право разработки рудных ископаемых (по прежним грамотам, они должны были о найденных рудах предварительно «отписывати нам») и т. д. Нужно ли доказывать, что купцы-промышленники Строгановы сами и не помышляли о таком «жаловании»?

Оно было им продиктовано⁷³.

К сожалению, по данному конкретному вопросу (о грамоте 1574 г.) историки снова дают превратное толкование: Строгановы «хлопотали, а Москва лишь «разрешала».

⁷¹ Там же, стр. 78.

⁷² Введенский А. «Торговый дом XVI—XVII вв.», стр. 109. Л. 1924.

⁷³ Дополнительный показатель: через три года после получения этих сибирских привилегий Строгановы ходатайствуют о железорудном промысле на Ваге (А. А. Введенский «Торговый дом XVI—XVII вв.», стр. 97). Кстати, в этой царской грамоте нет срока для предоставления налоговых льгот; может быть, это ошибка при списывании?

⁶⁸ Наглядным показателем правительственных расчётов в этом деле может служить тот факт, что центральная власть информировалась и выкалала в такие детали, как местоположение и конструктивные данные сооружаемых «городков» (грамота от 2 января 1564 г.).

⁶⁹ Журнал «Русское прошлое». Кн. 3-я. ПТБ. 1923.

⁷⁰ «Очерки по истории колонизации Сибири», стр. 148. М. 1928.

Такое толкование имеет место в «Истории СССР»⁷⁴.

Сибирская колониальная хартия 1574 г. обусловила дальнейший ход событий. Однако в течение ряда лет Строгановы оставляли грамоту нереализованной. Обстоятельство это показывает, что, помимо трудностей военного порядка, затыжка была вызвана полным отсутствием у Строгановых непосредственного хозяйственного интереса к сибирским делам; что подошли они к ним не в силу назревших хозяйственных предпосылок, а побуждаемые центральной властью. Подтверждением данного вывода может служить то, что, имея, несомненно, большие колонизационные успехи, Строгановы всё же к 1579 г. заселили, использовали только примерно одну треть жалованной территории⁷⁵.

Достоверных данных об итогах колонизационной деятельности Строгановых в Прикамье к концу «лютных лет» не сохранилось. Известно, что в 1579 г. произволилась перепись, но сама писцовая книга (Яхонтова) не сохранилась, а списки с неё расходятся в показателях. Если перепись производилась в фискальных целях (в 1558 г. кончалось 20-летие налогового иммунитета), то в ней могло сказаться предпринимательское стремление снизить число облагаемых объектов и людей.

Этим вопросом мы специально не занимаемся. Воспользуемся данными, приводимыми Дмитриевым⁷⁶ в отношении заселённости строгановских владений: городков — 2, слободок — 2, деревень — 11, починок — 28, дворов — 352, мужского населения 406 человек. Позволительно высказать сомнение в правильности приводимых цифр — в отношении, скажем, числа мужчин. Если даже учтём, что речь может идти только о взрослых и облагаемых «пашенных и непашенных» мужчинах, то всё же число их (406) не сообразуется с территорией, числящейся в 8 млн. десятин (хотя бы только частично освоенной).

Любопытно эти сведения сопоставить с тем представлением о хозяйственном могуществе Строгановых, которое распространено было среди иностранцев, проживавших в тот период в Московии. Джейлз Флетчер, английский посол в Москве в 1588—1589 гг., пишет о них: «Знающие их говорят,

что круглый год у них десять тысяч человек заняты вываркой соли, перевозкой грузов на телегах и судах, рубкой леса и т. д. Кроме того не меньше пяти тысяч крепостных для заселения и обрабатывания их земель». Их капитал оценивался в 300 тыс. рублей, кроме земель, скота и другого имущества. Они имели своих врачей, хирургов, аптекарей и разных искусных мастеров — голландцев и других⁷⁷. Флетчер связывает строгановское хозяйство с Сольвычегодском, но в то время основная промышленная база Строгановых перемещалась уже на Урал. Конечно, эти сведения преувеличены, но они отражают всё же «молву», для которой были определённые основания.

V

В 1578 г. умер Григорий Аникиевич, а в 1579 г. — Яков Аникиевич Строгановы. Во главе обширнейших владений остались Семён Аникиевич (третий сын Аники Фёдоровича), Максим Яковлевич и Никита Григорьевич.

В 1582 г. осуществлено было первое вторжение русских вооружённых сил в центр кучумова ханства. Кучуму нанесён был ряд серьёзных ударов, приведших в дальнейшем к его полному разгрому. Исход сражений предопределялся наличием у нападающих огнестрельного оружия, которого у сибирских людей не было. Решающей военной силой, нанесшей первые поражения Кучуму, явилась дружина волжских казаков, предводительствуемая Ермаком Тимофеевичем.

Подлинное течение начальных операций по завоеванию Сибири остаётся невыясненным. О разных концепциях, существующих в сибирской историографии по данному вопросу, мы говорили. Все эти воззрения базируются в основном на содержании той или иной сибирской летописи. Между тем бывали примеры, когда летописные известия оказывались недостоверными. И в описании сибирских дел мы также имеем летописное утверждение, которое должно быть полностью отвергнуто, — это версия о посылке в 1572 г. Иваном Грозным князя Афанасия Лыченицына «воевать царя Кучуму», причём воевал он «без удачи, потерял много народу, все пушки и зелье». Об этом говорит Соликамская летопись⁷⁸, а также Тобольский летописец⁷⁹. Об этом писал затем приезжавший в Московию голландский географ-историк Витзен⁸⁰. И не потому версия эта несостоятельна, что Карамзин не обнаружил Лыченицына в списках воевод, а потому, что она не выдерживает простейшего сопоставления событий.

⁷⁷ Fletcher G. «On the Russe Common Wealth» Purchas. T. XIII, p. 554. 1905.

⁷⁸ Берх В. «Путешествие в Чердынь и Соликамск», стр. 204. ПТБ. 1821.

⁷⁹ «Древняя Российская Вивлиофика», ч. III, стр. 104. 2-е изд. М. 1791.

⁸⁰ Witsen N. «Noord en Oost Tartarye». V. II, p. 739. ed. 2. 1795.

⁷⁴ «История СССР». Т. I, стр. 397. Изд. Института истории Академии наук СССР. 1939. Если бы речь шла о частнохозяйском предприятии, по поводу которого «хлопочут» заинтересованные предприниматели, с какой тогда стати стал бы Грозный посылать Строгановым такую подорожную? Подорожная гласила: «От Москвы до слободы ямщиком, а где ямов нет — всем людям без отмены чей кто ни будь, чтоб есте давали Якову да Григорью Аникиевым даям Строгановым по две подводы да по проводнику в оглоблях везде, не задержав ни часу».

⁷⁵ Карта Адрианова С. «Отчёт о 37-м присуждении награды Уварова». ПТБ. 1897.

⁷⁶ Дмитриев А. «Пермская старина». Вып. II, стр. 99.

1. В течение 7 лет (1564—1570) в Пермской округе сохранялось, по видимому, относительно спокойствие. Никаких известий о столкновениях мы в строгановских документах не встречаем. К тому же имеем и положительное известие: наместник Ромодановский, прибывший зимой 1570 г. в Москву, сообщал, что за время его бытности в Перми «от сибирских людей задору никого не было»⁸¹.

2. Если бы Лыченицын «хотел воевать царя Кучума» в 1572 г., то он должен был бы выступить из Москвы не позднее ранней весны, а решения об этом должны были быть приняты зимой 1571—1572 года. Между тем по ходу переговоров с кучумовым посольством осенью 1571 г., по характеру посылавшихся Кучуму грамот, по факту направления в Сибирь посла Чебукова можно с несомненностью заключить, что Москва об агрессивных действиях по отношению к Кучуму для данного времени не помышляла.

3. В это время Москва была занята положением на южной границе (в 1572 г. ожидалось повторение нашествия Девлет-Гирея), не говоря уже о ливонских делах. Начинать в такое время военные действия на востоке — а поход против Кучума не мог рассматриваться в Москве как единичная эпизодическая военная операция — было бы неразумно. Это совершенно расходится с линией поведения Грозного в отношении кучумовой Сибири.

4. Наконец, будь такой поход действительно предпринят, то Лыченицын должен был бы проходить через Уральскую область. На тогдашнем уральском фоне такое выступление против Кучума представлялось бы событием, которое обязательно нашло бы какое-то отражение в строгановских документах. Но этого нет.

Излагаемый в настоящей работе ход событий по начальному покорению Сибири основывается на анализе и сопоставлении только официальных данных и достоверных записей того времени. Ни одна из сибирских летописей, составленных в значительно более позднее время, в анализ не включается⁸². Мы подошли к вопросу об участии волжских казаков в покорении Сибири.

В продолжении некоторого времени на Волге действовали ватаги казачьей вольни-

цы, нападавшие не только на купеческие суда, но и на зарубежных послов. Состав этой вольницы был разнороден: в неё входили и донцы, и украинцы, и московские люди. Так, царский гонец доносил, что на пути из Казани в Астрахань пришли на них в стругах «князь Василий Мещерский да казак Личкога Хромой Путивлец (т. е. из Путивля) и взяли у нас судно царя Ямчугея... а меня позорили»⁸³. Казачьи отряды были хорошо организованы и боеспособны. В 1573 г. один такой отряд напал близ Астрахани на английское судно, возвращавшееся из Персии с ценным грузом. Произошло сражение, во время которого было (по словам англичан) убито 14 и ранено 30 человек из общего числа нападавших в 150 человек. Всё же англичане вынуждены были сдать казакам своё судно и грузы на условиях свободного пропуска их самих. Они докладывали затем об этом нападении Грозному, выразившему им своё сожаление.

Москва была хорошо информирована о казачьих бесчинствах, но, предпринимая репрессивные меры против казаков, она одновременно учитывала значение этой русской вольницы в пограничных областях.

После крымского набега на Москву, в 1571 г., вопросу о привлечении вольного казачества к защите южных государственных границ придавалось, по видимому, особое значение. Из писцовых книг того времени можно заключить, что московские власти в 1571—1572 гг. приступили к организации казачьих военных поселений в южных гор-
родах.

Елифанская перепись⁸⁴, судя по содержанию в ней данным, проводилась весной — летом 1572 г. (общая дата — 7080 год). Она отмечает ещё убийства и разрушения, причинённые «Крымскими людьми», указывает на размещение там семи казачьих сотен, но формирование казачьих слобод ещё не закончено: в различных местах остаются дворы для казаков, «которых приберёт казачья голова Лихарев». Прежние жители

цепы историками в основной источник для истории покорения Сибири. Внимательное сопоставление сохранившихся официальных данных показывает, что летопись эта приводит совершенно неверные сведения о времени «призыва» Строгановыми дружины Ермака, о времени появления этого отряда на Урале, о сроках его пребывания там, о сроках сибирского похода. Она тенденциозно сплетает тобольскую и обь-иртышскую часть грамоты 1574 г., выдумывает версию о новых царских льготах Строгановым, о которых нет сведений ни в каких актах, преувеличивает роль Строгановых в деле завоевания Сибири, создавая для этого неправдоподобную версию об их взаимоотношениях с Ермаком. Очевидным представляется, что летописец выполнял некий «заказ». Время и повод для такого «заказа» выясняются у А. П. Андреева («Очерк историко-географического изучения Сибири», стр. 131 и 140. 1940).

⁸³ Соловьёв. Т. VI, стр. 421.

⁸⁴ Писцовые книги XVI в. Отделение II, стр. 1588 и др. ПТБ. 1877.

⁸¹ Собрание государственных грамот и договоров. Т. II, № 45. Наша попытка установить время пребывания Ромодановского в Перми по воеводским и генеалогическим справочникам результатов не дала. У Дмитриева, в списке пермских наместников («Пермская старина». Вып. I, стр. 170) Ромодановский вообще не значится, а Шишонко («Пермская летопись». Ч. I, стр. 64) утверждает, что Ромодановский только «определён» в 1570 г. наместником, в то время как в марте 1570 г. он уже возвратился в Москву.

⁸² Не входя в рассмотрение вопроса о содержании или времени происхождения той или другой сибирской летописи, необходимо всё же отметить, что Строгановская летопись совершенно неосновательно превра-

этих слобод переселяются в другое место: «тем людям велено те дворы снести в чёрную (т. е. заселённую не служилыми, а облагаемыми податью людьми), слободу, а те места даны под казачьи дворы». В Дедилове перепись проводилась в 1588—1589 годах⁸⁵. В Луговой слободе размещены полторы сотни казаков. Но тут уже сложившееся (за 16—17 лет) казачье поселение, отмечаются казаки «старые», «приборные» и «новоприборные». При естественной для тогдашнего казачества «текучести» такая классификация представляется вполне понятной.

В своём исследовании о городах Московского государства XVI в. Н. Д. Чечулин⁸⁶ указывает, что эти казаки «получали земли чрезвычайно много. Мы видим здесь, так сказать, вооружённых крестьян, т. е. то, что называют военными поселенцами». Чечулин отмечает, что «о них реже встречаем указания, откуда они явились, а те указания, какие мы тут находим, указывают на развитие уже тут привычки к бродяжничеству». Чечулин ограничился разбивкой и сопоставлением отдельных групп переписного населения южных городов. Если же мы свяжем эти переписные данные с общегосударственной обстановкой в тот период с положением на южных рубежах, с характером и состоянием вольного казачества, с масштабами деятельности тогдашнего правительства, станет ясной «природа» данного явления. Это было результатом мероприятий, которые начали осуществлять в 1571—1572 гг. московские власти.

Таковую же политику Москва старалась проводить и в отношении волжской вольницы. Понимая, что одними репрессиями казачьей «проблемы» на Волге по-настоящему не решить, оно подыскивало пути использования этой буйной силы в государственных целях путём привлечения волжских казаков к ратному делу на восточной, уральской, границе. После того как в 1572 г. пришли в Москву донесения от пермских властей и от одного строгановского приказчика о нападении туземцев на пермские поселения и камские пристани Строгановых, Грозный пишет им в грамоте от 6 августа 1572 г.: «А выбрав у себя голову добра да с ним охочих казаков сколько приберетца, со всяким оружием»⁸⁷. Указание об использовании казаков в грамоте повторяется. Во второй раз оно сопровождается оговоркой: «с охочими казаками, которые от нас не отложились». Но это вполне понятно: не могло же правительство формально санкционировать привлечение казаков, которые «от нас отложились»! И именно эта оговорка показывает нам, что речь шла о «воровских» волжских казаках, ибо только из их среды могли попасть на Урал «охочие казаки». Впервые в переписку царя со Строгановыми

включаются казаки в 1572 году. И исходит эта инициатива от Москвы, так как Строгановы сами об этом не просили и даже не сообщали ещё о происшедшем нападении на их владения. На мысль о казаках наводит их Москва.

Грамота от 30 мая 1574 г.⁸⁸ рассказывает о том, что в 1573 г. повторилось нашествие туземных отрядов, в нём уже участвовали и кучумовы люди (Махмет-Кул). Подходили они близко к строгановскому острогу и ушли, не преследуемые Строгановыми. Последние объясняли: «А они-де, Яков и Григорей из нашего жалованья из своего острога наёмных казаков за Сибирскую ратью без нашего велекия послати не смеют». Но это объяснение Строгановых звучит явно ответом на задававшийся им вопрос: в 1572 г. произошло уже нападение туземцев, царь предложил привлечь в остроги волжских казаков; в 1573 г. нападение повторилось в более крупных размерах, почему же Строгановы ограничились только обороной? Строгановы оправдывались, что они-де без царского повеления «не смели» этого делать.

Из грамоты можно с полной определённоностью заключить, что к 1574 г. в строгановских острогах уже были волжские казаки и что они уже включались Грозным в его сибирские планы: «А на Сябирского Якову и Григорью збирая охочих людей... со своими наёмными казаки и с нарядом (т. е. с вооружением) своими послати воевати, и в полон Сибирцов имати и в дань за нас приводити».

Так обстояли дела. Как видим, первый «призыв» казаков в строгановские владения и дальнейшее их использование в наступлении на Кучума были указаны Грозным.

Казачьи бесчинства на Волге продолжались. Жаловались нагайские послы, страдал государственный престиж, да и «убытки нашим людям» причинялись. Надо было с этим делом кончать. Сведения о посылке войсковых частей на Волгу для борьбы с казаками имеются по 1577 год. По сообщению англичан, в 1579 г. между Сталинградом и Астраханью располагались пять воинских застав («караулов») и в Астрахани — гарнизон в 2 тыс. человек⁸⁹. А в 1581 г. Грозный говорил нагайскому князю Урусу: «А ныне есмь на Волгу людей своих из Казани и из Астрахани многих послал, а велели им тех воров (т. е. казаков)... перевешати. А для атаманов Ивана Кольца... велели тех Донских атаманов казнити смертью... И мы на тех казаков на Волжских, на Митю Бритоусова и на Иванка на Юрьева (т. е. на Ивана Кольцо) опалу свою положили, казнити их велели смертью перед твоим человеком»⁹⁰.

Казачьей вольнице на Волге приходил конец. Надо было уходить — поскорее, по-

⁸⁵ Писцовые книги XVI в., Отделение II, стр. 1264 и др. ПТБ. 1877.

⁸⁶ «Города Московского государства в XVI в.», стр. 292—293. ПТБ. 1889.

⁸⁷ Дополнения к Актам историческим. № 120.

⁸⁸ «История Сибири». Т. I. стр. 339—341. М. 1937.

⁸⁹ Наклуу т. Op. cit. V, III, p. 217. 1905.

⁹⁰ Карамзин Н. Т. IX, прим. 663; то же у Соловьёва. Т. VI, прим. 128 (из Дел нагайских).

далее. Если бы их задача заключалась только в том, чтобы скрыться от преследования царских отрядов, то казакам выгоднее было бы разбиться на небольшие группы и разбрестись по разным направлениям. Тот факт, что под предводительством Ермака собрался значительный по тем временам отряд — в 500—600 человек, — показывает, что уже при самом своём формировании отряд этот должен был ориентироваться на какую-то крупную операцию. Предполагать, что преследуемые казаки могли без всяких помех двигаться большой ватагой в любых направлениях, в местах не столь уж обжитых, и при этом обеспечивать себя необходимым провиантом и транспортом, было бы неосновательно. Предполагать, что они решили двигаться в строгановские владения без «согласования» с хозяевами и даже против их воли, также неосновательно: Строгановы, будь они сами не в силах справиться с казаками, могли бы на помощь вызвать царские войска для расправы с объявленными уже вне закона атаманами и их сподвижниками. Нет также оснований предполагать, что Ермак совершал свой поход в Сибирь по собственной инициативе, прибыв на Урал и узнав от тамошних людей про кучумово царство, и что он вынуждал Максима Строганова снабдить его продовольствием. Предполагать так — значило бы допускать, что Ермак решился на свой страх предпринять далёкий поход в неведомый край с отрядом в 500—600 человек против сильного и воинственного неприятеля, не обеспечив себя даже надёжным тылом, оставив позади себя враждебных Строгановых. При такой версии Ермак представлялся бы бесшабашным удалыцом, не заботящимся о завтрашнем дне. На деле же Ермак проявил себя смелым, но достаточно расчётливым и дальновидным военачальником. Сопоставляя дошедшие до нас известия, следует заключить, что на данной ступени противоположные хозяйственно-созидательные интересы Строгановых, действовавших по царским начертаниям, и «розбойные» интересы ермаковой вольницы совпали.

Из всего изложенного мы получаем «ключ» к объяснению того, каким образом и для чего оказались казаки Ермака на Урале. Строгановы уже имели волжских казаков в своих острогах, а казаки, в свою очередь, знали, что есть для них путь «организованного» отступления с их волжского «театра действий». По Волге Строгановы возили грузы, имели там своих людей. При их связях в Москве они были в курсе решительных правительственных мер против казаков. Для выполнения сибирских директив Грозного (по грамоте 1574 г.) им нужны были значительные военные силы. Враждебные выступления туземцев продолжались. Вся совокупность обстоятельств указывала, что следует начать наступательные военные операции.

В начальном покровении Сибири сочетались, таким образом, организационные возможности и материально-технические ресурсы Строгановых с волевыми и боевыми качествами ермаковой вольницы. Понятно стремление казаков обеспечить источники

будущего своего благосостояния и предотвратить нависшие кары. Понятны их надежды заслужить своим походом против Кучума (Строгановы их, конечно, узнали с царскими заданиями) царскую амнистию и признание. Строгановы и Ермак были равноправными сторонами, вступившими в соглашение⁹¹.

Показателем возможных отношений между Строгановыми и казаками могут служить рассматриваемые ниже грамоты от 20 декабря 1581 г. и 16 ноября 1582 года. В них говорится, во-первых, о том, что Строгановы «призвали» казаков как организованное соединение. Во-вторых, в них многократно проводится градация между волжскими казаками (или «теми казаками») и строгановскими «своими людьми». Как при этом осуществлялся самый «контакт»⁹² между Строгановыми и казачьими атаманами, — это уже вопрос «технический», который едва ли должен нас занимать.

Продолжая анализ, постараемся проследить дальнейший ход дел, а попутно уяснить «ориентировочно» время появления казаков Ермака на Урале.

Имеются четыре царских грамоты. Одна — от 6 ноября 1581 года⁹³. Семён и Максим Строгановы обратились к царю за военной помощью: летом 1581 г. их слободки «воевали Чюсовские вогуличи, слободы сожгли, а крестьян-де в полон увели»; к 1 сентября «те же Вогуличи приходили на их же слободки войною, с Пельмским князем... и достали их вывоевали, слободки и деревни и хлеб всякой и сено выжгли, а Усолские де варницы и мельницы выжгли... и им от войны убытки великие». При этом оказывается, что у Семёна и Максима какой-то разлад с Никитой, который им помощи не оказывает. Грозный немедленно на это откликнется, шлёт подробнейшее приказание пермскому наместнику, как собрать «со всеё Пермские земли... людей человек до двухсот», а Никите предписывает «с Семёном и Максимом стояти заодин и оборонитися собча».

Вторая грамота, от 20 декабря того же, 1581 года⁹⁴. В ней приводится другое об-

⁹¹ Бахрушин С. В. утверждает, что по примеру того, как Строгановы обычно нанимали военных людей, «так поступил к ним на службу с отрядом казаков донской атаман Ермак Тимофеевич» («Из истории колониальной политики русского царизма», стр. 5. М. 1937). Но, право же, биография Ермака Тимофеевича и его дальнейшие действия никак не согласуются с его «поступлением на службу» к Строгановым.

⁹² Строгановская летопись живописно изображает, а за ней историки повторяют, как осуществлялся призыв казаков. Она относит это к 1579 г. и даже утверждают, что казаки пробыли у Строгановых 2 года и 2 месяца. Однако известно, что в 1581 г. Иван Кольцо, т. е. отряд Ермака, был ещё на Волге.

⁹³ Дополнения к Актам историческим. № 1, стр. 126.

⁹⁴ Введенский А. «Торговый дом XVI—XVII вв.», стр. 62—63. Л. 1924.

ращение Строгановых, в котором о нападении пельмского князя и вогулов говорится уже как о событии минувшем. Но Строгановы поднимают теперь общий вопрос: «А те деи слободки их стоят на Украине, а Вогуличи живут блиско, а место лешее, а людем их и крестьяном из острогов выходу не дают, и пашни пахати, и дров сечи не дают же. А приходят дея к им невеликие люди украдом, лошадей и коровы отганивают и людей побинают, и промысел-деи у них в слободах отняли и соли варити им не дадут». Такое чувствительное вступление должно оправдать основную цель челобитвы: «А Семён-де да Максим охочие казаков собрати и своими людьми на Вогулские улусы, без нашего указа не смеют. И нам бы их пожаловати, велети прибрати охочих людей, казаков и теми казаки и своими людьми на тех Вогулич... приходи и над ними промышляти». Грозный ответил без задержки и на это обращение, притом наиболее «оперативным» путём. Послал он грамоту «с прочётом» пермским всем «старостам и целовальником и всем земским людем», в которой приказывает: «а которые будет охочие люди похотят ити в Онিকেевых слободы... и те б люди в Онিকেевых слободы шли... а на тех бы Вогулич приходили, и над ними промышляли... и над ними поискати и войною издосадити, и вперед бы им не повадно (было) воевати».

Третья грамота — от 16 ноября 1582 года. В ней⁹⁵ приводится донесение пермского наместника Пелепелицына о повторившемся осенью 1582 г. нападении пельмского князя, в котором на этот раз участвуют не только вогулы, но и «сибирские люди». Наместник жалуется, что нападающие «многих наших людей побили и многие убытки починили» и даже к Чердынскому острогу (т. е. к резиденции самого наместника) приступили. Пелепелицын с нападшими не справился и всю вину возлагает на Строгановых, которые будто бы «в тот же день», как произошло наступление туземцев, «послали из острогов своих волжских атаманов и казаков, Ермака с товарищи, воевати Воляки и Вогуличи и Пельмские и Сибирские места». Грозный реагирует на это донесение резкой («ошальной») грамотой Строгановым, которую мы в дальнейшем рассмотрим обстоятельно.

Четвёртая грамота — от 7 января 1854 г.⁹⁶, из которой яствует, что в то время на Урале уже находился направленный в Сибирь отряд московского воеводы Болховского, выехавшего, повидимому, из Москвы летом 1583 года.

Таким образом, летом 1581 г. из Казани и Астрахани выступили в поход против волжских казаков крупные военные силы, о которых Грозный сообщал нагайскому князю Урусу. Казаки из будущей дружины Ермака действовали тогда ещё на Волге, где-то поблизости от Казани, так как: а) среди казачьих атаманов находился Иван Кольцо, ко-

торого приказано было захватить и «казнить смертью» в присутствии урусова человека; б) Иван Кольцо нападал на нагайских послов, т. е. на пути от Нагаев к Оке; в) известно, что казаки направились на Урал, стало быть, вверх по Каме.

К сентябрю 1581 г. казаков в строгановских владениях ещё не было: иначе Строгановы, эти «усердные стражи земли Пермской»⁹⁷, не имели бы нужды обращаться в сентябре 1581 г. за помощью к царю для борьбы с наступавшими туземными отрядами. Грозный предписал мобилизовать на защиту пермских владений всего до 200 человек, а под командой Ермака состояло свыше 500 боевых казаков.

Некоторое время спустя, а именно между началом сентября и серединой октября (разница во времени между грамотами от 5 ноября до 20 декабря 1581 г.) волжские казаки должны были уже появиться на Урале. Ясно, что именно это обстоятельство побудило Строгановых безотлагательно поставить перед царём вопрос об их использовании: держать долго в своих владениях и кормить столько молодцов, и не слишком, к тому же, благовоспитанных, было для Строгановых делом невыгодным. Сибирский поход был важной задачей, да и казаков надо было из своих «вотчин» сплавить поскорее. Надо было безотлагательно оформить и начать давно обещанные наступательные операции, в результате чего последовало челобитье Строгановых: «прибрати охочих казаков и теми казаки... на тех Вогулич приходи и над ними промышляти».

Строгановы, без сомнения, имели в виду при этом ермакову дружину: иначе, имея многократные царские предписания и за счёт привлечения казаков и насчёт активных военных операций, им не к чему было бы вновь и специально выдвигать этот вопрос перед Москвой. Но речь шла об ответственном деле, предпринимаемом силами волжских «изменников», и Строгановы считали более осмотрительным предварительно заручиться формальным согласием Грозного.

Москва дала своё согласие. Более того: она не ограничилась простой санкцией, адресованной Строгановым, а проявила действительную инициативу: послана была особая грамота «с прочётом» (т. е. прочитывавшаяся всеми адресатами и возвращавшаяся затем к основному владельцу), адресованная и пермским старостам, и целовальникам (вполне естественно было предполагать, что казаки обретаются преимущественно в их учреждениях), и всем земским людем. Такая царская грамота становилась широко известной по всей Пермской округе. Грамота не только разрешала, но и призывала, чтобы все «охочие» на тех бы Вогулич приходили и над ними промышляли... и над ними поискати и войною издосадити» («вогуличи» должны были рассматриваться как обобщённое определение, так как нападали на пермские места не только вогулы, но и

⁹⁵ Дополнения к Архивам историческим. Т. I, № 128.

⁹⁶ «История Сибири». Т. I, стр. 343. М. 1937.

⁹⁷ Карамзин Н. (т. IX, стр. 222): «...сии усердные стражи земли Пермской, сии заселители пустынь Чусовских, сии купцы-Владельцы...»

«сибирские люди»). Однако в этой грамоте обращает на себя внимание характерная черта: в то время как Строгановы в своей челобитной настоятельно говорили об «охочих казаках» и даже в одном месте подчеркнули: «охочих, казаков» — не в порядке перечисления, а в порядке разъяснения, — Москва почему-то в своём приказе уклонилась от упоминания о казаках. Она говорит только об «охочих», что представлялось совершенно непонятным, ибо во всех грамотах, начиная с 1572 г., неизменно фигурируют казаки. Но это «непонятное» умолчание говорит нам о том, что правительственная власть знала, о чём идет речь, но предпочтала поддержать намерение Строгановых «де факто», воздержавшись лишь от официального признания участия волжских «воров» в намечаемом предприятии: ведь это происходило всего лишь через полгода после того, как этих казаков собирались «перевешати».

Казаки восприняли эту грамоту как царский призыв, означающий дальнейшую амнистию и подтверждающий сообщённые им Строгановыми сведения о сибирских намерениях Грозного. Все необходимые предпосылки для похода были ялины: организованная сила, военное снаряжение, провиант, струги. И пошли Ермак с товарищами государеву службу служить, «вины покрывать» и, разумеется, при этом себя (по части мяхкой рухляда) не забывать. Было это зимой 1581—1582 г., когда они при содействии Строгановых готовились к походу. Часть из них могла ещё зимой перейти поближе к исходным речным пунктам Иртышской системы, а ранним летом 1582 г. они двинулись в поход — «воевати Вотяки и Вогуличи и Пелыские и Сибирские места». До поздней осени Ермак продвигался вперед со многими боями. Во второй половине октября он вышел к устью Тобола, а 26 октября, как гласят все сибирские предания, вступил в кучумову столицу Искер. Отмечаемые здесь сроки вполне согласуются с общим ходом событий и с имеющимися данными. Как проходила в точности эта смелая и умело руководимая военная операция, мы не знаем. Может быть, сибирские летописи и содержат некоторые верные сведения — в это вдаваться мы сейчас не можем.

Ясно, что ко времени наступления пелымского князя и других туземцев на Чердын дружин Ермака на Урале уже не было. Черынский наместник имел все основания быть этим недоволен: к его острогу приступили, перед царём надо оправдаться. И пошла жалоба царю. В ней он, вероятно, рассказывал о возможном неблагоприятном поведении Строгановых и казаков, «задиравших» туземцев. Но знал Пелепелицын, что всем этим Грозного не удивили, а тем более самым фактом начавшихся наступательных действий, так как о планах Грозного в отношении Сибири он, конечно, знал. Надо было выдвинуть что-то такое, что возмутило бы царя. И Пелепелицын выдумал версию о том, что Строгановы послали из острогов своих казаков в сибирский поход в то самое время, даже «в тот же день» — 1 сентября, — когда происходило наступле-

ние туземной рати на вверенные ему пермские места. Версию явно выдуманную, ибо: а) ни один военачальник не стал бы начинать далёкий и рискованный поход по системе неизвестных рек осенью (1 сентября ст. ст. в сибирских условиях), при сниженном уровне воды, при неизбежных перекатах и т. д.; б) за 55 дней, т. е. с 1 сентября до 26 октября (крайний возможный срок замерзания Тобола в нижнем его течении). Ермак никак не мог пройти от Урала до Иртыша в короткие осенние дни да ещё с боями⁹⁹.

Пелепелицын знал, что только сообщением о таком невероятном поведении Строгановых можно вызвать гнев Грозного. И он своей цели достиг: последовала «опальная» грамота.

Укрепившись на Иртыше, разобравшись в обстановке, оценив военные ресурсы Кучума, поняв, что ему с сильно поредевшей дружиной в Сибири не удержаться, Ермак направил донесение в Москву. Не к Строгановым обращался он, а к самому Грозному царю. Послал он с этим делом Ивана Кольцо. Это показывает, что Ермак уверенно расценивал возможное отношение Грозного к его походу и что он считал себя вправе непосредственно сноситься с Москвой, без участия в том Строгановых. Для «служащего» Строгановых такое право и возможность исключались бы.

Грозный воспринял донесение Ермака, как и всё, касавшееся урало-сибирских дел, действительно. Он понимал, что казачья дружина хордша как передовой отряд, но что её незамедлительно следует заменить регулярными войсками и основательной властью. В Сибирь были направлены первым воеводой князь Болховской и военный начальник Глухов. Иван Кольцо был милостиво принят и отнюдь не «казнён смертью», хотя прошло не так много времени и приказ об этом не мог быть забыт. Высоко оценены были действия Ермака и казаков. В Москве этому событию постарались придать особо большое значение, что вполне понятно: помимо того, что завершался первый этап давно задуманных сибирских планов, представлялось полезным возвеличить победы на востоке на фоне крупных военных неудач на западных границах.

VI

Итак, мы рассмотрели здесь исторические материалы, освещающие: а) возникновение и ход отношений Москвы с Сибирью при Иване Грозном; б) возникновение и развитие Великопермских колоний Строгановых и участие в этом деле московских властей; в) руководящее участие Москвы в оборонительных и наступательных действиях на восточных рубежах; г) возникновение выдвинутой Москвой «сибирской программы» 1574 г.; д) выдвинутое Москвой привлечение волжских казаков к военным делам на востоке и вытекавшее из него появление дружины Ер-

⁹⁹ Кстати, такой же срок (55 дней) отводит Строгановская летопись.

мака на Урале. Всё это приводит нас к выводу о том, что сибирский поход Ермака явился прямым следствием решений и действий московского правительства — Ивана Грозного.

Данному положению ни в малейшей степени не противоречит «опальная» грамота Строгановым от 16 ноября 1582 года. Поскольку эта грамота является основным «стержнем» прочно установившихся историографии сибирских концепций, мы приведём её полностью и затем разберём:

«От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси — на Чюсовую, Максиму Яковлевичу сыну да Миките Григорьеву сыну Строгановым.

Писал к нам из Перми Василий Пелепелицын, что послали вы из острогов своих Волжских атаманов и казаков, Ермака с товарищи, воевати Вотяки и Вогуличи и Пельинские и Сибирские места сентября в 1 день, а в тот же день, собрався, Пельинский князь с Сибирскими людьми и с Вогуличи приходил войною на наши пермские места и к городу к Чердыни к острогу приступил, и наших людей побил и многие убытки нашим людям починили.

И то сделано вашу изменю: вы Вогуличь и Вотяков и Пельнцов от нашего жалованья отвели и их задирали, и тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас.

А Волжских атаманов к себе призвав, воров наняли в свои остроги без нашего указа. А те атаманы и казаки преже того ссорили нас с Ногайскою ордой, по слову Ногайских на Волге, на перевозех побивали и Ордобазарцов грабили и побивали, и нашим людям многие грабежи и убытки чинили. И им было вина свои покрити тем, что было нашу Пермскую землю оберегать, и они зделали с вами вместе по тому ж, как на Волге чинили и воровали: в которой день к Перми к Чердыни приходили Вогуличи сентября в 1 день, и в тот же день от тебя из острогов Ермак с товарищи пошли воевать Вогуличь, а Перми ничем не пособили.

И то всё сталося вашим воровством и изменю. А толко бы вы нам служили и вы с тех казаков втепоры в войну не посылали, а послали их и своих людей из своих острогов наши Пермские земли оберегать!

И мы послали в Пермь Вонна Оничкова и велели тех казаков, Ермака с товарищи, взяв отвести в Пермь и в Усолье в Камское, и туто им стоять велели, разделяя, и из тех мест на Пельинского князя зимою на нартах ходить воевать велели есмь тем всем казакон и Пермичем и Вячичном, с своими посланники с Воином с Оничковым и с Иваном с Глуховым, чтоб вперёд воинские люди, Пельинцы и Отяки и Вогуличи, с Сибирскими людьми на наши земли войною не пришли и наши земли не извоевали. А велели есмь тем казакон быти в Перми до весны и на Отяки и на Вогуличи ходить с Воином

воевать и их в нашу волю приходить по нашему указу.

А вы б, обсылая в Чердынь с Василием с Пелепелицыным и с Воином с Оничковым, посылали от себя воевать Вогуличь и Отяков. А однолично б есте, по сей нашей грамоте, казаков всех толко к вам из войны пришли, послали их в Чердынь, тотчас, и у себя их не держали; а будет для приходу вам в остроге быти нельзя (т. е. если вам из-за возможного прихода туземцев в острогах без казаков быть нельзя), и вы б у себя оставили немногих людей, человек до ста с которыми атаманом, а достальных всех выслали в Чердынь однолично, тотчас. А не вышлете из острогов своих в Пермь Волжских казаков, атамана Ермака Тимофеевича с товарищи, а учнёте их держати у себя и Пермских мест не учнёте оберегати, и такую вашу изменю что над Пермские места учинитца от Вогуличь и от Пельнцев и от Сибирского салтана вперед, — и нам в том на вас опала своя положити бошая, а атаманом и казаков, которые вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати.

И вы б тех казаков однолично отпустили в Пермь и нашим делом над Пельинцы и над Вогуличи и над Отяки промыслили, по нашему указу, сылаяся о том с Василием с Пелепелицыным и с Воином Оничковым, чтобы дал Бог их извоевать и в нашу волю привести, а Пермской земли и ваших острогов уберечи»⁶⁰.

Посмотрим же объективно, что содержала эта грамота и насколько может она служить показателем отрицательного отношения Грозного к затейному Строгановыми с Ермаком походу в Сибирь.

Грозный имел конкретнейшее донесение пермского правителя: 1 сентября Ермак направлен Строгановыми в поход. Предполагать, что в такое позднее, осеннее время может предприниматься поход в Сибирь, он не мог: это было бы нелепостью. Из грамоты с несомненностью явствует, что он ждал скорого возвращения казаков «из войны» и при этом опасался, что Строгановы «учнут их держать у себя», не высылая в помощь Перми.

Если поход предпринимается в близкий район и делается это в то время, как на Пермь идёт вражеское наступление, — значит, это не серьёзный военный поход с целью защиты Пермской земли, а очередной грабительской налёт, предпринятый казаками вкупе со Строгановыми, т. е. «по тому ж, как на Волге чинили и воровали».

Подтверждалось такое предположение и тем, что в течение 8 лет (1574—1582 гг.) Строгановы ничего не предпринимали в отношении дальнейшего продвижения на восток и вообще оставили сибирские планы невыполненными. Значит, поход Ермака предпринимается не в государственных целях, а в их личных интересах: не нам служат казаки, а вам.

⁶⁰ Дополнения к Архивам историческим, стр. 128

Два года подряд Пермская область подвергается нашествиям. Строгановы не в состоянии были обеспечить эффективной обороны. Грозному приходится во всё вникать и даже принимать меры к защите владений самих Строгановых с помощью воеводских пермских сил и призывать Никиту «стоять заодин и боронитися собча». И вот теперь, когда у Строгановых появились крупные казацкие силы, они занимаются малозначимыми налётами на туземные поселения.

Налёты эти, с государственной точки зрения, бесперспективны и вредны. Они только «задирают», озлобляют туземцев. Кучум старается держать туземные племена под своим влиянием. Ясно, что такие действия могли приводить лишь к ненужным осложнениям в отношениях с Кучумом: «и тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас». Кучум — сильный противник. В борьбе с ним нужны предусмотрительность и надлежащая подготовка. Грозный показал это Строгановым и своей программой действий 1574 г. и предложениями об использовании волжских казаков. Мелкий «задор» с Кучумом недопустим.

Таковы явные причины появления «опальной» грамоты. Но этого мало. При внимательном разборе этой грамоты Грозный предстаёт перед нами не как «противник», а как последовательный инициатор сибирского наступления. Грамотой своей он стремится:

Объединить и согласовать военные силы и действия Строгановых, казаков и пермских властей: «нашим делом промышленати... ссылаясь о том с Василием с Пелюцелиным и с Воином Оничковым». Подчёркивает он эту необходимость дважды.

Превратить казацкую вольницу в организованную силу под командованием кадровых военных командиров — Воина Оничкова и Ивана Глухова.

Объединив все силы в течение зимнего периода 1572—1573 г. («зимую на нартах ходить воевать»), добившись полного военного разгрома пограничных с Сибирью народностей и уничтожения их военного потенциала, «чтоб вперед воинские люди, Пелюцы и Отяки и Вогуличи, с Сибирским людьми на наши земли войною не приходили».

Обратим при этом внимание на то обстоятельство, что Грозный намечает использование казаков в этой первой военной кампании лишь до весны: «а велели есмь тем казаком быти в Перми до весны». Что же делать казакам после того? Мы видели, что для цели обороны строгановских владений считается достаточным, даже при непокорённых соседях, иметь всего 100 казаков («человек до ста с которым атаманом»). Но под командой Ермака состояло свыше 500 казаков; что же должны они делать после полной ликвидации военных очагов пограничных с Сибирью народностей? Держать дальше многочисленную казацкую дружину на Урале

и незачем, и убыточно, и хлопот не обещаться. Какие же другие очередные «объекты» могли связываться с отрядом Ермака? Нужно ли доказывать, что в ближайшие военные планы Грозного входила Сибирь? И именно весной, ибо только в такое время можно начинать операции против Кучума, т. е. продвижение к Иртышу; и лучше всего после того, как промежуточная зона будет полностью покорена.

К изложенным объективным выводам в отношении «опальной» грамоты обязательно придёт всякий исследователь, если только он вдумчиво, аналитически подойдёт к рассматриваемому материалу. Но для «полноты картины» нужно коснуться и последнего аргумента, которым оперируют историки: гнев Грозного вызвал-де тот факт, что Строгановы самовольно призвали мятежных волжских казаков, «без нашего указа». Посмотрим же ближе: ведь Грозный говорит об этом мимоходом, не делая никаких «орывыводов»; ведь он официально утверждает для казаков возможность «вины покрыти»; ведь всякие последующие тяжкие кары Строгановым и казакам объявляются только условно, «если такую вашу изменю что над Пермские места учийтца вперед», — вот тогда лишь последуют кары!

Мы видим в этой грамоте ещё другое: насколько Грозный в оценке сил Кучума и в своих стратегических и военно-тактических замыслах был прав. Мы знаем, что походом Ермака дело покорения Сибири не было решено. Последовали ряд поражений и гибель отважного Ермака, потребовалось немало усилий со стороны московского правительства для окончательного разгрома Кучума.

Насколько сибирский поход Ермака явился прямым следствием решений и действий московского правительства, подтверждает ещё следующим:

1. Мы приводили уже заявление Строгановых в 1574 г., что даже преследовать нападавшие на них кучумовы отряды «без нашего повеления послати не смеют». Как же можно допустить, что они решились бы не только что без ведома, но даже против воли Грозного начать крупные военные операции против самого кучумова царства? Это у деловых, хорошо ориентированных Строгановых, понимавших, что всякая попытка противостоять воле Грозного немедленно привела бы к катастрофическим для них последствиям! Ясно, что сибирский поход тогда рассматривался, как выполнение уже имевшихся у них повелений.

2. Послав в Сибирь Болховского с отрядом, Грозный первоначально намечал присоединение к этому отряду 50 конников из строгановских острогов. Но затем было решено поход совершить водным путём, и Грозный ограничивается требованием о подготовке 15 стругов и судового к ним «запаса» (т. е. судового снаряжения). Больше ничего: «а людей ратных и подвод и проводников и кормов имать есмь у вас

не велели»¹⁰⁰. Такая постановка вопроса также выявляет сущность дела. Грозный относится к Строгановым как к исполнителям, выполнившим уже связанное с ними задание, и больше от них ничего не требует.

Хотим мы одновременно привлечь внимание историков-исследователей ещё к одной теме, заслуживающей внимательного изучения и бросающей свет на историю возникновения строгановских предприятий на Каме.

Ганс Кобенцель, римско-германский посол в Москве, писал в 1576 г.: «Теперь великий князь намеревается, идя по Волге к Москве и оттуда к Ноугороду и далее к Пскову и Ливонии, сделать соляные склады, из коих снабжать солью за дешёвую цену Ливонию, Куронию, Пруссию, Швецию и другие прилежащие страны; а соль везут ему в изобилии в его царскую казну»¹⁰¹.

Из этого интереснейшего сообщения мы уясняем, во-первых, государственный диапазон Грозного: военную оккупацию Ливонии он стремился сочетать с укреплением экономических позиций Москвы на

Балтике. Один из факторов — соль (основной промышленный продукт в Московии). Но в этом случае весьма показательно другое обстоятельство: Ливонская кампания началась в январе 1558 г., а спустя всего два месяца (4 апреля) Грозный утверждает первое «жалованье» крупнейшим своим солепромышленникам на обширную Уральскую колонию, промышленный объект которой — соль.

Обсуждение такой многосторонней и тщательно составленной жалованной грамоты должно было начаться значительно раньше. Таким образом, законно полагать, что возникновение строгановских предприятий на Урале рассматривалось в разрезе государственных начертаний центральной власти, преследовавшей цели: а) колонизацию восточных окраин, с дальнейшим продвижением на восток; б) усиление политико-хозяйственных возможностей страны для предстоящей длительной, упорной борьбы на западе.

Этим заключением мы ни в какой мере не стремимся умалять роль Строгановых в деле колонизации уральской окраины и распространения господства Москвы на сопредельные области Сибири. Их предпринимчивость встречала неизменно действительную поддержку правительства, которое побуждало их к дальнейшему расширению колонизационных масштабов. Московские власти и Строгановы успешно взаимодействовали в осуществлении назревших государственных задач.

¹⁰⁰ «История Сибири». Т. I, стр. 343. М. 1937.

¹⁰¹ Чтения Московского Общества истории и древностей российских, стр. 186 М. 1863; подлинный текст — Вертбовский ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях, вып. IV. Варшава, 1901, цитируемое место на стр. 68.